

INSPIRIA

Продолжение триллеров

ВНУТРИ УБИЙЦЫ и ЗАЖИВО В ТЕМНОТЕ

ГЛАЗАМИ

ЖЕРТВЫ

Она может думать
как убийца...

МАЙК ОМЕР

INSPIRIA

Майк Омер

Глазами жертвы

Серия «Майк Омер: книги по порядку»

Серия «Расследования
Зои Бентли», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65020577

Майк Омер. Глазами жертвы: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-116892-6

Аннотация

Продолжение бестселлеров «Внутри убийцы» (самый популярный роман в России в 2020 г.) и «Заживо в темноте». В этом романе многолетний кошмар Зои Бентли наконец-то закончится. Она найдет ответы на все вопросы...

Он – убийца-маньяк, одержимый ею.

Она – профайлер ФБР, идущая по его следу.

Она может думать, как убийца.

Потому что когда-то была его жертвой..

УБИЙЦА, ПЬЮЩИЙ КРОВЬ СВОИХ ЖЕРТВ?

Профайлер ФБР Зои Бентли и ее напарник, агент Тейтум Грей повидали в жизни всякое. И все же при виде тела этой мертвой девушки даже их пробирала дрожь.

ВАМПИР? – ВРЯД ЛИ. НО И НЕ ЧЕЛОВЕК

Почерк убийства схож с жуткими расправами Рода Гловера – маньяка, за которым они гоняются уже не первый месяц. Зои уверена – это его рук дело. Какие же персональные демоны, из каких самых темных глубин подсознания, могут заставить совершать подобные ужасы? Ответ на этот вопрос – ключ ко всему.

ОДНАКО МНОГОЕ ВЫГЛЯДИТ СТРАННО

Убийство произошло в доме, а не на улице. Жертве зачем-то несколько раз вводили в руку иглу. После смерти кто-то надел ей на шею цепочку с кулоном и укрыл одеялом. И главное: на месте убийства обнаружены следы двух разных пар мужских ботинок...

«Идеальное завершение трилогии! От сюжета кровь стынет в жилах. Майк Омер мастерски показал, на что нужно сделать упор в детективах, чтобы истории цепляли. Книга получилась очень напряженной и динамичной, а герои прописаны бесподобно, так что будьте готовы к тому, что от романа невозможно будет оторваться, пока не перелистнёте последнюю страницу. Очень рекомендую этот триллер всем тем, кто ценит в книгах завораживающую и пугающую атмосферу, прекрасных персонажей и качественный сюжет». – Гарик @ultraviolence_g.

«Майк Омер реально радуется. Вся трилогия на едином высочайшем уровне – нечастое явление в литературе. Развитие сюжета, характеров основных героев, даже самого автора – все это есть. Но самое главное – у этой истории есть своя предыстория. И она обязательно будет издана! Зои Бентли не уходит от нас – наоборот...» – Владимир Хорос, руководитель группы зарубежной остросюжетной литературы.

«Это было фантастически! Третья часть еще более завораживающая и увлекательная. Яркие персонажи, интересные и шокирующие повороты, вампиризм, интрига... Омер набирает обороты в писательском мастерстве и в очередной раз заставляет меня не спать ночами, чтобы скорее разгадать все загадки. Поистине захватывающий триллер! Лучшее из всего, что я читала в этом жанре». – Полина @polly.reads.

Больше интересных фактов об этой книге читайте в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	62
Глава 8	68
Глава 9	78
Глава 10	87
Глава 11	98
Глава 12	110
Глава 13	119
Глава 14	126
Глава 15	132
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Майк Омер

Глазами жертвы

Mike Omer

Thicker Than Blood

Text copyright © 2020 by Michael Omer. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Школа перевода
В. Баканова

© Гребенникова С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия

издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

Пятница, 14 октября 2016 года

Кэтрин никогда не сомневалась, что ее душа невесома. Что она, неосязаемая и ослепительно сияющая, соткана из мыслей, чувств и убеждений. А еще душа хранит тайны. И вот они-то день ото дня тяжелеют, тяготят душу.

Вот бы носить их за спиной и спокойно жить дальше!.. Кэтрин представила себе добротный, как у ее дяди, рюкзак с пряжками, на широких лямках. Сложить бы туда все свои тайны и затянуть как следует поясной ремень, равномерно распределяя вес...

Не тут-то было. Секреты жили своей жизнью. Однажды они повисли камнем на шее и стали тянуть к земле, не давая поднять голову. А на следующее утро переползли в живот; Кэтрин то и дело скручивалась в судороге и бегала каждый час в уборную. Теперь тайны поселились в ее сердце, давя с такой силой, что оно, казалось, вот-вот разорвется.

Она позвонила отцу и предупредила, что больна и не выйдет на работу – третий раз за неделю. Тот был готов бить тревогу, но она его успокоила, сославшись на «женские проблемы». Наступил поздний вечер. Кэтрин сидела в гостиной;

застыв перед мерцающим экраном телевизора, она пыталась заплакать.

Слезы словно выкипали, не дойдя до глаз. В горле стоял ком, голос делался ломким и хныкающим, но за несколько дней – ни слезинки. Суметь заплакать значило освободиться. Увы, глаза оставались сухими. Лишь губы дрожали, отчего Кэтрин чувствовала себя маленькой и глупой.

Секреты коварны. Только дай волю, и они отберут у тебя способность плакать.

В тысячный раз она схватила телефон и открыла список контактов – первым в «любимых» значился номер отца. Логично, ведь она действительно его любит. Любит как родителя, любит как человека, любит больше всего в этом мире. Можно рассказать ему правду. Тогда груз на сердце обратится в пыль... Ее палец завис над экраном. На секунду пришло долгожданное облегчение.

А потом в голове замелькали картинки. Папино лицо, исказившееся от боли. Он уже немолод. В прошлом году перенес инфаркт, который врачи назвали «тревожным звонком». Что будет с отцом, откройся она ему?

Мнимое облегчение переросло в колючий страх и чувство вины. Нет, нельзя.

В дверь постучали – и сердце на мгновение замерло. На секунду Кэтрин замешкалась, гадая, кто это мог быть. Уже очень поздно. Друзья или соседка прислали бы сообщение, прежде чем появиться у нее на пороге, тем более в такой

час. Тогда все ясно. Это отец – встревожился и приехал ее проведать.

Он наверняка с первого взгляда поймет: с ней что-то случилось. Что эти «женские проблемы» совсем не похожи на ежемесячное недомогание. Сможет ли она солгать, если он задаст прямой вопрос?.. Не сейчас. Не сегодня. Ей придется все рассказать.

Кэтрин на ватных ногах подошла к двери, переполняясь смешанными чувствами вины, страха и облегчения. Мельком посмотрела в глазок и удивленно ойкнула.

Она знала стоявшего в коридоре мужчину, но это был не отец.

В голове после тяжелого дня стоял туман. Кэтрин привычным движением протянула руку к щеколде. Тут же подступила тревога. Мысли заметались, приказывая ей не открывать дверь. Его здесь быть не должно! И потом что-то мелькнуло в его глазах... Нечто опасное и порочное...

Но в эту секунду тело не подчинялось разуму. Будто под гипнозом, она медленно отодвинула щеколду.

Дверь распахнулась, ударив Кэтрин по лицу. Она упала, оглушенная; половина лица пульсировала болью, перед глазами все плыло. Навернулись слезы, которых Кэтрин так ждала. Она попыталась закричать, заговорить...

Лицо накрыла рука, зажав нос и рот. Кэтрин не могла дышать. Не могла издать ни звука. Она извивалась всем телом, и ее ударили наотмашь.

Мир погрузился в блаженную тьму...

Кэтрин приоткрыла веки. Только через мгновение поняла: у нее во рту что-то есть, неприятное и ворсистое. Она подняла руку, чтобы вынуть кляп.

– Не смей.

Рука застыла.

– Оставь как есть. Кричать тебе нельзя.

Она с трудом сфокусировала взгляд на знакомом лице, беззвучно умоляя отпустить ее.

– Все будет быстро, – почти извиняющимся тоном сказал он. В его руках что-то сверкнуло. Большая игла.

Он схватил ее правую руку и занес над ней иглу. Кэтрин сдавленно вскрикнула сквозь кляп и попыталась отдернуть руку. Вырваться не получилось, однако от неожиданности он промахнулся. Девушка ахнула, когда игла вспорола кожу.

– Видишь, все из-за тебя! – прорычал он, его глаза опять зло сверкнули. Вцепился в ее запястье и снова вонзил иглу. Кэтрин хотела дотянуться до его лица другой рукой, и он опять ее ударил.

– Так я в вену не попаду. – Он покачал головой. Снова промахнулся – игла вошла в мышцу. Он с остервенением бормотал себе что-то под нос.

Кэтрин выдернула руку – движение отозвалось вспышкой боли, игла выскользнула. Из раны сочилась кровь. У Кэтрин закружилась голова, она почти потеряла сознание.

– Чтоб тебя! – Он в ярости отшвырнул иглу. При взгля-

де на кровоточащую руку его зрачки расширились. Он судорожно сглотнул, наклонился и, к отвращению Кэтрин, стал слизывать кровь. Почувствовав на коже его язык, она задрожала от омерзения и ужаса. Попробовала высвободиться, но мужчина лишь крепче сжал ее руку, издав странный звук. Рычание.

И тут он впился губами в кожу и начал пить. Кэтрин в полном оцепенении наблюдала, как он высасывает кровь из раны. По подбородку у него стекала алая струйка.

– Мне пришлось. – Его лицо перекошилось в стыдливой гримасе. – Извини.

Все вновь поглотила тьма.

Когда она пришла в себя, откуда-то доносились заунывные звуки. Рыдания? Так и есть. Это он. Все еще здесь и плачет.

Полиция... Нужно звонить в полицию... Тело не слушалось. Из раны на пол капала кровь.

Наконец ей удалось пошевелиться. Вынуть кляп. Она хотела встать, но, услышав шорох за спиной, замерла.

Горло сжала петля. Кэтрин пыталась ухватиться за удавку, пыталась кричать, широко раскрыв рот. Ни звука. Ни вдоха. Перед глазами заплясали пятна, потом все накрыл туман.

Раздался грубый смех, полный злобы, и рычащий голос ворвался ей в ухо:

– А теперь самое интересное...

Глава 2

Суббота, 15 октября 2016 года

Детектив Холли О’Доннелл стояла в коридоре и наблюдала, как медики бережно укладывают тело Кэтрин Лэм на каталку. Мешок надежно скрывал тело от взглядов. И все же картинка прочно отпечаталась в памяти. Спутанные волосы в крови прилипли к щекам. На мертвенно-бледной коже ярко выделяются кровоподтеки. Разорванная одежда в качестве последнего унижения. Иногда О’Доннелл удавалось воспринимать все отчужденно, как издержки профессии. Но не сегодня.

Двое медиков замешкались в гостиной, старательно маневрируя, чтобы не наступить на большое пятно засохшей крови. После их ухода О’Доннелл наконец смогла сосредоточиться. Когда с места убийства уносят тело, атмосфера меняется. Голоса звучат громче. Полицейские ведут себя раскованнее и по-деловому. Бывает, кто-то отпустит шутку. Всех охватывает чувство облегчения. Мертвые уходят. Живые остаются, чтобы расставить все по местам.

О’Доннелл изучала комнаты, залитые мягким светом из окон. Она живо представила себе, каким уютным был этот

крошечный домик до кошмарных событий. Укромная спальня, красивая гостиная с диванчиком и небольшим телевизором. Кухня, правда, маловата, хотя Кэтрин Лэм обустроила все очень умело, и даже висящие на стенах сковородки и кастрюльки стали практически элементами декора. Окно кухни выходило на задний двор. Усеянный кустиками сорняков и сухой листвой газон выглядел запущенным.

О’Доннелл обратилась к сержанту Гарзе, который стоял в кухне, перелистывая блокнот:

– Теперь гостиная.

По его лицу скользнула тень негодования, но через секунду он все же кивнул. О’Доннелл привыкла к таким вспышкам неприязни. Многие полицейские смотрели на нее так, будто она не заслужила зваться детективом – или даже копом, если на то пошло. И, по их мнению, расследование она уж точно вести не в состоянии.

Ну, заслуженно или нет, но дело поручено вести О’Доннелл. А Гарзе придется это проглотить.

Он вошел в гостиную и ждал там с блокнотом наготове. О’Доннелл замешкалась: огромное кровавое пятно преграждало ей путь. Высокий Гарза попросту перешагнул через него, а вот ей пришлось перепрыгивать, уже третий раз за день. В бахилах, которые Холли всех заставила носить, легко было поскользнуться и упасть. Не говоря уже о том, что она наверняка выглядела глупо, прыгая зайцем туда-сюда.

О’Доннелл решила на прыжок, все-таки поскользнулась

и едва не упала. Устояв на ногах, с вызовом посмотрела на Гарзу, готовая к насмешкам. Их не последовало.

Почтя за лучшее сосредоточиться на работе, Холли стала обмерять комнату рулеткой, диктуя цифры Гарзе, который заносил их в блокнот. Он и его напарник первыми прибыли в дом Кэтрин. Когда приехала О’Доннелл, она попросила сержанта помочь ей с зарисовкой места преступления, а его напарника – отвечать за периметр. Они уже закончили описывать ванную и спальню и ждали, когда медики заберут тело, чтобы заняться гостинной.

О’Доннелл оставила метку с номером восемь у телефона жертвы, лежавшего на полу. Уликой номер девять стал разорванный бюстгальтер. Метки с десятой по пятнадцатую лежали рядом с кровавыми следами ботинок. Одно из своих первых дел О’Доннелл чуть не провалила только потому, что присвоила один номер трем отпечаткам. Как следствие – путаница в фотографиях. Больше такого не повторится.

– Не забудь указать на рисунке направление шагов, – велела она.

– Сделаю, – отозвался Гарза, замеряя расстояние от телефона до двери.

– И замерь расстояние до каждого отпечатка.

Сержант бросил на нее оскорбленный взгляд, но промолчал. Конечно, он знал свое дело, и понукать его не было нужды. Тем не менее лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. За последние месяцы сожалений у О’Доннелл накопи-

лось на всю оставшуюся жизнь...

Лавируя между пятнами крови, она кружила по комнате в поисках улик, которые могла пропустить, – ничего. Подошла к Гарзе и заглянула в его блокнот. Неохотно признала, что зарисовки выполнены безупречно. Эскиз аккуратен, замеры сделаны методично и подробно.

Ее внимание привлекли громкие голоса. Стоявший у входа полицейский с кем-то спорил, переходя на повышенные тона. Неужели журналисты уже здесь? Или это назойливая соседка?

О’Доннелл снова перескочила через пятно, на этот раз не потеряв равновесие. Скоро можно будет участвовать в соревнованиях по прыжкам через кровавые лужи. Она вышла из дома, прищулив глаза от яркого света.

Полицейские оцепили дом Кэтрин Лэм и дворик размером с носовой платок, а также часть тротуара. На нем стоял, размахивая журналом посещения, напарник Гарзы, новичок, только закончивший полицейскую академию. По другую сторону желтой ленты остановились двое. Женщина держала руки в карманах бежевого пальто, в тон к нему – коричневая шапка и шарф. На мужчине – черное пальто поверх серого костюма.

Женщина спорила с новичком, перекрикивая шум машин.

– Нам нужна всего пара минут. Это в ваших же интересах, чтобы...

– Извините, – прервала ее О’Доннелл, из ее рта вырывались облачка пара. – Что происходит?

– Федералы, – буркнул новичок, – хотят попасть на место преступления.

Холли, сведя брови, повернулась к федеральным агентам. Мужчина был черноволосым, высоким и широкоплечим. Он стоял в нарочито расслабленной позе, почти сутулясь, – как старшекласник, который хочет выглядеть крутым. Женщина казалась его полной противоположностью. Ее макушка не доставала ему даже до плеча, из-под шерстяной шапочки выбивались каштановые пряди. Она стояла, поджав губы и подобравшись, словно готовилась к марш-броску. Кончик ее длинного носа покраснел от холода. Когда она перевела взгляд на О’Доннелл, та чуть не отшатнулась. У женщины были глаза цвета травы, такие яркие, что становилось не по себе. Она смотрела на Холли так пристально, словно пересчитывала поры у нее на лице.

– Детектив О’Доннелл. – Представившись, она встретилась глазами с женщиной. – А вы?

– Агент Грей. – Мужчина взмахнул значком ФБР. – А это доктор Бентли.

– Расследование ведет полиция Чикаго. Вы не сможете войти, агенты, пока мы не закончим все процедуры.

– Убийство может быть связано с делом, над которым мы сейчас работаем, – заявила Бентли. – Дайте нам пару минут, чтобы...

– Откуда вы знаете про убийство? – спросила О’Доннелл.

Грей бросил на напарницу раздраженный взгляд, чего она, похоже, не заметила.

– Лейтенант Мартинес сообщил, что Кэтрин Лэм, двадцати девяти лет, задушена в собственном доме.

О’Доннелл скрыла гнев под маской равнодушия. Она всегда уважала Мартинеса, работающего вместе с ней в детективном отделе Центрального района. Но о чем он только думал, когда рассказывал ФБР об этом деле? Еще и дал им неподтвержденную информацию о причине смерти!.. Даже новички так не ошибаются.

– И как же это убийство связано с вашим делом?

– Мы не вправе говорить об этом, – выпалил Грей, опередив Бентли.

О’Доннелл выдавила из себя подобие улыбки.

– Мне пора заняться расследованием. Хорошего дня, агенты.

– Стойте! – Голос Бентли стал пронзительным, глаза яростно сверкали.

О’Доннелл повернулась к ним спиной. «Надо будет поговорить с Мартинесом, – подумала она, – пусть объяснится».

– Детектив О’Доннелл, – окликнул ее агент Грей, – уделите нам две минуты. У нас есть важные сведения.

Холли со вздохом повернулась. Федерал всем своим видом демонстрировал смирение.

– Мы можем переговорить наедине? – спросил он.

О’Доннелл пригнулась, чтобы пройти под желтой лентой, и сделала десяток шагов от дома.

– Что у вас? – спросила она агентов, следовавших за ней по пятам.

– Мы разыскиваем серийного убийцу по имени Род Гловер, – сообщил агент Грей. – Он поселился в Чикаго лет десять назад, раздобыв поддельные документы.

– И что общего с этим убийством?

– Мы пока не уверены, есть ли связь... Но Род Гловер душил своих жертв. И жил он в этом районе, рядом с парком Маккинли.

– Звучит надуманно, – заметила О’Доннелл. – Вы теперь появляетесь на каждом месте убийства, если подозревают удушение?

Бентли нетерпеливо фыркнула.

– Убийства на почве секса с удушением происходят не так часто...

– На почве секса? Вам Мартинес об этом сообщил?

– Он сказал, что одежда жертвы разорвана.

– Он в этом деле вообще не участвует, а такие подробности не упоминались ни в одном отчете! Он... – Вдруг до О’Доннелл дошло. – Погодите, вы доктор Бентли? Зои Бентли, профайлер? Это вы работали с Мартинесом по делу Гробовщика-Душителя?

– Да.

Три месяца назад весь Чикаго держал в страхе серийный

убийца, который бальзамировал молодых женщин и оставлял в городе их тела в странных позах. Лейтенант Мартинес руководил расследованием и попросил помощи у ФБР. Доктор Бентли и агент Грей были в оперативной группе, которая вычислила убийцу¹.

– То есть вы не из чикагского ФБР?

– Нет, – ответил Грей, – мы из отдела поведенческого анализа.

– И в Чикаго вы оказались, конечно, по чистой случайности? – недоверчиво продолжила О’Доннелл. Она знала, что ОПА размещается на другом конце страны, в Куантико, штат Вирджиния.

– Не совсем. Мы шли по следу Гловера. Последнюю неделю провели в Чикаго.

– И теперь хотите забрать дело себе? Только потому, что может быть какая-то связь...

– Ничего мы не хотим забрать. – Грей поднял руки в знак примирения. – Хотим проверить, не приложил ли Гловер руку к этому убийству.

– Отлично. – О’Доннелл пожала плечами. – Пусть пришлют запрос из вашего главного офиса. Мы отправим вам отчеты по делу, сможете взглянуть.

– Лучше мне самой осмотреть место убийства, – вставила Бентли.

– Лучше для кого?

¹ Об этом подробно рассказывается в романе М. Омера «Внутри убийцы».

– Для всех. У нас больше опыта в реконструкции таких преступлений, и если я увижу место, где все произошло...

Эта женщина явно испытывала терпение О’Доннелл.

– В отчете будут фотографии.

Бентли хотела что-то возразить, но Грей коснулся ее руки, и та прикусила язык.

– Слушайте, – проговорил он, – мы можем помочь вам с расследованием. Можем подключить наши ресурсы.

Вот что хотела услышать О’Доннелл. Тесты ДНК в Чикаго делают невероятно долго. А если федералы подергают за ниточки и проведут анализы в своей лаборатории? О’Доннелл не могла упустить такой шанс.

Кроме того, ее одолевало любопытство. Она была наслышана о Зои Бентли и деле Гробовщика-Душителя. Людям нравилось обсуждать Бентли почти так же, как смаковать недавний скандал с О’Доннелл в главной роли. Профайлера называли то мошенницей, то гением. В деле Гробовщика-Душителя тоже не все сходилось. Вроде бы Бентли несколько раз ранили в ходе расследования. Наверняка они с напарником скрыли от полиции что-то важное. Ходили совсем уж неправдоподобные слухи, что в момент задержания преступника Бентли была полуголая. Скорее всего, она сама это выдумала.

О’Доннелл хотела посмотреть на нее в деле.

– Ладно, можете взглянуть. Только уйдете без вопросов по первому моему слову.

– Конечно, расследование-то ваше! – Грей ослепительно улыбнулся.

О’Доннелл позволила им зайти в дом. Бентли и Грей поставили подписи в журнале и прошли внутрь. Гарза все еще занимался зарисовкой гостиной. Вскоре к нему присоединился фотограф, делавший крупные снимки одного следа от ботинка. О’Доннелл мысленно сделала заметку: удостовериться, что не забыли про общие фотографии всех следов.

– Перчатки и бахилы. – Детектив указала на коробки у входа. Она наблюдала за выражением лица профайлера, когда та увидела кровавое пятно.

– Жертве пустили кровь, – пробормотала Бентли, натягивая перчатки.

Пока что ее дедуктивные способности, мягко говоря, не впечатляли.

– Мартинес вам разве не сказал? – невинно поинтересовалась О’Доннелл. Она прекрасно знала, что этого не было в отчете полицейских, первыми прибывших на место.

Бентли, проигнорировав вопрос, молча надела бахилы. Подошла к пятну. Не медля ни секунды, перемахнула через него и оказалась в гостиной.

О’Доннелл накрыло волной раздражения. Зои Бентли, ниже ее ростом, преодолела пятно с грацией чертовой лани.

Глава 3

Зои изучала огромное пятно крови и цепочки следов, исчертившие комнату. Поначалу разобраться было трудно: пол усеивало множество смазанных отпечатков, перекрывающих один другой. Наконец она уловила логику. Кто-то ходил кругами у входной двери, один раз отошел в дальний угол и вернулся обратно. При этом несколько раз наступил в лужу крови, поскольку, вероятно, пребывал в растерянности или отчаянии.

Отброшенный на пол бюстгальтер рванули с такой силой, что металлическая застежка погнулась. А что с другой одеждой? Тоже порвана? Зои старательно отмахивалась от самого очевидного вопроса, чтобы тот не повлиял на ее выводы. Может ли это быть работой Гловера?

Если с самого начала зациклиться на нем, она обязательно начнет подгонять факты под то, что хочет видеть. Однако на этот вопрос рано или поздно придется ответить. Образ Гловера, как сорный плющ, оплетал ее разум, проползал в каждый закоулок, душил любую мысль не о нем.

Уже несколько недель они с Тейтумом отслеживали каждый шаг Гловера за последние десять лет, будто смотрели фильм в обратной перемотке. Начали с его последнего жилища. Он поселился по соседству с Зои. Снял квартиру под именем Дэниела Мура и больше месяца следил за самой Зои

и за ее сестрой Андреа. Когда Зои поехала в Техас на расследование, Гловер нанес удар. Просто повезло, что Андреа осталась целой и невредимой. А Гловер получил пулю и засел в своей берлоге, зализывая раны. Судмедэксперты заключили, что он чуть не умер, но сумел остановить кровотечение. И, как только смог стоять на ногах, сбежал².

Дальше – больше. Гловер был при смерти. Не из-за ран, все гораздо прозаичнее. У него неоперабельная опухоль мозга, и от этого он стал еще опаснее, чем раньше. Умиравшему зверю нечего терять.

Зои повернулась к О’Доннелл. Детектив стояла в дальнем углу комнаты, ее темные глаза следили за действиями фотографа. Тот, опустившись на колени, делал снимки следов.

– Можно посмотреть фотографии тела? – обратилась Зои к О’Доннелл.

Та нахмурилась, обдумывая просьбу, и наконец велела фотографу показать снимки.

Тот встал, длинным пальцем поправил на носу очки в толстой оправе. Затем начал возиться с камерой, просматривая изображения на экране.

В гостиную вошел Тейтум.

– В спальне несколько пятен крови. – Он указал на дверь за собой. – А еще – следы ботинок и кровавые отпечатки рук на ночном столике и на стене.

– Отпечатки пальцев есть? – спросила Зои.

² Об этом подробно рассказывается в романе М. Омера «Заживо в темноте».

– Вряд ли. Во всяком случае, без приборов видны только размазанные пятна крови. По словам криминалиста, их оставили рукой в перчатке.

– Если убийца был в перчатках, значит, все спланировал. Но тут полный хаос, будто действовали наобум, – задумчиво проговорила Зои.

– Еще нашли капли крови на раковине и на полу в ванной.

– Он умывался?

– Похоже на то.

Зои пыталась представить, как разворачивались события, когда к ней подошел фотограф. Он показал ей и Тейтуму экран на задней панели камеры.

Бентли не сразу поняла, что видит на снимках.

– Это тело? Оно было накрыто?

– Ага, – послышался сзади голос О’Доннелл, – ее накрыли одеялом.

– Кто обнаружил тело? – задал вопрос Тейтум.

– Отец погибшей, Альберт Лэм, – отозвалась О’Доннелл.

– Это он накрыл ее одеялом?

– По его словам, нет, – отрезала О’Доннелл. – И улики это подтверждают. Видите пятна на одеяле?

Фотограф пролистал несколько кадров и нашел крупный снимок двух больших бурых пятен.

– Это кровь, – сказала О’Доннелл. – Жертву укрыли одеялом, когда кровь была еще свежей. Но когда мы прибыли на место, уже началось трупное окоченение и кровь засохла.

Кто бы ее ни накрыл, он сделал это вскоре после смерти.

Рассматривала ли О’Доннелл другой вариант? Убийцей мог оказаться отец. Возможно, он накрыл тело и позвонил в полицию только через несколько часов...

– Значит, он нашел тело под одеялом, да так его и оставил? – В голосе Тейтума звучало недоумение.

– Нет. Он откинул одеяло, увидел, что она не двигается. Какое-то время пытался привести ее в чувство. Потом снова накрыл и вызвал полицию.

Фотограф пролистал еще несколько снимков накрытого тела с разных ракурсов. Потом остановился. На следующем фото одеяла уже не было.

Легко понять, почему отец снова набросил его. Тело женщины лежало на боку, ноги согнуты, юбка спущена до лодыжек. Рубашка порвалась, оголив левую грудь. На жертве не было нижнего белья. Даже если б отец хотел защитить честь дочери, ее ноги были вывернуты так, что он не смог бы натянуть юбку.

Зои взглянула на бюстгальтер на полу рядом с меткой для улик.

– Вы нашли ее трусики?

– Пока нет. Изучаем содержимое мусорных баков.

– Если их тут нет, то, скорее всего, уже не найдете, – заключила Зои. – Он их забрал. Это трофей.

Она присмотрелась к снимку. Одна рука жертвы вся в крови, на лице застыли красные капли, пряди волос прилип-

ли к щекам. На левой ноге тоже кровь, но не от раны; вероятно, жертва задела ногой лужу на полу. На шее кровоподтеки – возможно, следы удушения; на крохотном экране трудно разглядеть детали, особенно на снимке издалека.

Фотограф продолжил листать кадры, ускоряя темп, как будто ему тяжело на них смотреть. Зои слегка удивилась: ведь фотографировал он сам.

– Погодите, – остановила она, – вернитесь назад.

Он показал предыдущее фото. Крупный план следов на шее. Действительно, похоже на удушение, хотя Зои все еще сомневалась. Ее внимание привлекла изысканная серебряная цепочка на шее женщины.

– Жертва носила украшения? – спросила Бентли.

– Серебряный крестик. Ее отец сказал, что она носила его не снимая, – ответила О’Доннелл.

– Почему он не забрал цепочку в качестве трофея? – пробормотала Зои.

– Может, равнодушен к украшениям? – предположил Тейтум.

Бентли кивнула. Такая возможность существовала, но серийные убийцы, забиравшие что-то на память, обычно предпочитали драгоценности. Особенно если жертву душили, как в этом случае, а на шее была цепочка. Убийца ее наверняка заметил. Даже мог придушить ею... Зои присмотрелась. Не похоже. Цепочка слишком тонкая.

– Ты упомянул следы рук на ночном столике, – сказала

Бентли. – Там лежат какие-то украшения?

– Не знаю.

– Там стоит шкатулка для украшений, – сообщила О’Доннелл. – А в ней – два браслета.

– А были два браслета и цепочка, – заявила Зои. – Убийца, вероятно, обыскал спальню, достал цепочку и надел на жертву уже после смерти.

– Сомневаюсь, – возразила О’Доннелл. – Ее отец утверждает, что она носила цепочку постоянно. Гораздо более вероятно, что убийца искал драгоценности. Браслеты оказались дешевыми безделушками, потому он их не тронул. Спросим у отца насчет более ценных украшений.

Зои начинала раздражаться, но спорить не стала. Сосредоточилась на снимках, пока фотограф пролистывал оставшиеся кадры. Возможно, впервые за последнее время она смотрит на творение Гловера...

Когда ей и Тейтуму стал известен его псевдоним, они смогли отследить его перемещения. Еще раньше выяснилось, что последние несколько лет преступник жил в Чикаго. Разыскали его квартиру у парка Маккинли – в ней теперь живет пара студентов. Удалось найти фирму, где он работал в техподдержке и откуда его полгода назад уволили. Несколько дней ушло на то, чтобы опросить его коллег и начальство в попытке собрать любые сведения. Большинство сослуживцев отзывались о нем доброжелательно. Хороший, мол, парень, в помощи не отказывал, много шутил и смеял-

ся. Начальник назвал его «душой команды».

Только две сотрудницы заметили в Гловере что-то пугающее, но не смогли объяснить, что именно.

Зои и сама испытала нечто подобное в четырнадцать лет, когда Род Гловер жил по соседству. Сначала он казался обязательным и забавным. Потом Зои стала подмечать в его поведении странности. Примерно тогда же в городке начались убийства девушек.

– Это все, – сказал фотограф, опустив камеру.

– Нашли орудие убийства? – Тейтум повернулся к О’Доннелл.

– Вообще-то, я предполагаю, что орудий было два, – ответила детектив. – Следы на шее указывают на удушение – значит, убийца использовал веревку или ремень. Кровь шла из большого пореза на руке, так что должно быть что-то режущее. Кроме того, рубашка частично разрезана. Но подходящего лезвия или ножа мы не обнаружили.

О’Доннелл указала на отпечатки ботинок:

– Похоже, убийца пересек комнату, чтобы поднять что-то с пола. Видите, у стены он задержался? Скорее всего, остановился и присел.

Зои подумала, что О’Доннелл не так уж безнадежна.

– Считаете, там лежал нож?

– Я в этом почти уверена. Можете сами убедиться – там несколько капель крови, улика номер шестнадцать. Думаю, они стекли с лезвия.

Зои прошла в угол комнаты и присела, разглядывая пол. Вот и капли. Несколько идеально круглых коричневых пятнышек.

Подошел Тейтум.

– Капли падали вертикально, – заявил он, – поэтому они круглые, а не овальные. Значит, это не брызги с другого конца комнаты. Вполне вероятно, что сюда бросили орудие убийства.

Зои кивнула, мысленно рисуя картину произошедшего.

– Возможно, убийца пришел сюда с ножом в руке. Потом постоял тут пару секунд. Отсюда и капли.

– Я не криминалист, – осторожно начал Тейтум, – но разве тогда не осталось бы брызг? Если б капли падали с высоты хотя бы полуметра, мы увидели бы мелкие круглые брызги вокруг. Но их нет – значит, высота падения не больше десяти сантиметров. Думаю, детектив О’Доннелл права. Здесь лежало орудие убийства, а убийца присел, чтобы его поднять.

Зои согласилась. Пожалуй, это самое логичное объяснение. Она мысленно представила, как убийца напал на жертву, угрожая ножом, и во время борьбы порезал ей руку. Что потом? Удалось ли жертве выбить нож у преступника? Не исключено...

Зои распрямилась и попробовала поразмышлять. Место преступления подсказывало, что модели поведения убийцы противоречили друг другу. Он наступил в лужу крови, накрыл тело, наследил по всей квартире. Это говорит о расте-

рянности, страхе и, возможно, о стыде. С другой стороны, он был в перчатках, то есть тщательно готовился. Пропавшее белье – признак тяги к трофеям. Цепочка на шее не вписывалась ни в одну схему. Было ли убийство случайным? Угадать невозможно. Зои до сих пор не знала, что стало причиной смерти: потеря крови или удушение.

Обычно она легко могла вообразить возможные сценарии, а сейчас разрозненные детали не желали выстраиваться в стройный ряд.

Что-то явно ускользало из виду.

Глава 4

Тейтум вновь огляделся, стараясь понять образ жизни Кэтрин.

В каком-то смысле это его епархия. Он видел, с какой легкостью Зои проникала в мысли убийцы – как будто про-скальзывала в свободный свитер. Грей не переставал этому удивляться и немного завидовать, потому что сам так не умел. Конечно, он просматривал статистические сводки, читал бесконечные исследования и стенограммы допросов серийных убийц, изучал их профили, пока все это не начинало сниться ему по ночам. Тем не менее, используя его собственную аналогию со свитером, пробраться в голову преступника для Тейтума примерно равнялось попытке натянуть сми-рительную рубашку на два размера меньше собственного: неудобно, почти невыполнимо, всегда болезненно и очень утомительно.

Все же понимание поведения жертвы составляло немалую часть расследования. Где-то в повседневной жизни женщины таилось то, что привлекло убийцу. Реакция жертвы на нападение тоже значительно влияла на его психику. Некоторые убийцы становились более жестокими, если жертва вела себя покорно, а другие убивали, только когда встречали сопротивление. В общем, если знаешь, какой была жертва, ты на полпути к пониманию преступника.

Кэтрин Лэм явно пребывала в рассеянности и, вероятно, была чем-то подавлена. Дому не уделяли должного внимания: цветы начали вянуть, подоконники покрывал слой пыли, корзина для белья переполнилась. Неряшливая хозяйка? Нет, многое свидетельствовало об обратном. Одежда аккуратно сложена в шкафу, ванная комната, не считая пятен крови, блестит чистотой, а в холодильнике лежат свежие продукты. Беспорядок свидетельствовал лишь о недавнем несчастье.

Была ли Кэтрин одинока? Или, возможно, познакомившись с кем-то в Интернете, хотела пойти на свидание? Будь она доверчивой, то могла согласиться на то, чтобы новый знакомый заехал за ней. Это объяснило бы отсутствие следов взлома... Нет, одежда, которую Тейтум видел на фотографиях тела, для свидания не подходит. Кэтрин не собиралась уходить из дома.

Грей взглянул на Зою и уже открыл было рот, чтобы высказать свои догадки, но та стояла, нахмурившись и прикусив губу. Знакомый ему режим «не беспокоить» означал, что она погружена в размышления.

О’Доннелл тоже сверлила Зою взглядом; в ее глазах цвета шоколада светилось недоверие. Вообще Тейтум любил шоколад и питал страсть к экзотическим вкусам: шоколад с солью, шоколад со специями... Но шоколад *с подозрениями* попался ему впервые. О’Доннелл склонила голову влево – так же, как при первой их встрече на улице.

Светлые волнистые волосы детектива О’Доннелл острижены выше плеч, на ней серые брюки и темно-синее пальто. Она стояла с видом скептика на выступлении фокусника – словно ждала, пока агенты ФБР вытащат кролика из шляпы, дабы она могла объявить, что кролик все время сидел внутри. Добро пожаловать на представление Тейтума Грея, волшебника и профайлера! Выберите карту, совершенно любую карту! И ваша карта... пиковый валет, безработный, скорее всего, белый, от двадцати до двадцати пяти лет, в детстве мочился в постель и мучил котят.

О’Доннелл, поймав взгляд Тейтума, спросила:

– Ну что? Это ваш подозреваемый?

– Пока рано утверждать, – машинально пробубнил Грей.

Детектив подняла брови.

– Есть что-то общее с другими жертвами? Он раньше забирал трофеи? Накрывал тела?

– Не накрывал, – признался Тейтум. – Тем не менее сходство есть...

– Тогда почему он накрыл тело в этот раз?

– Причин может быть много. – Агент пожал плечами. – Некоторые серийные убийцы накрывают жертв из чувства стыда. Еще это способ отстраниться, представить на месте человека неодушевленный предмет...

– Он накрыл жертву по той же причине, что надел на нее цепочку. – Зои обернулась к ним. – Он ее знал.

О’Доннелл сложила руки на груди. Она будто хотела что-

то сказать, но ее окликнул полицейский:

– Детектив О’Доннелл, идите сюда!

Она извинилась и пошла к входной двери.

Тейтум еще раз окинул взглядом комнату и последовал за О’Доннелл. За оградительной лентой стоял мужчина – глаза покраснели, волосы всклокочены, руки дрожат. Грей понял, что ему около шестидесяти, хотя сейчас он выглядел девяностолетним согбенным стариком. Тейтум не раз видел этот взгляд – взгляд человека, раздавленного горем. Видимо, это Альберт Лэм, отец Кэтрин, обнаруживший тело. В руках он держал маленький пакет.

– Мистер Лэм. – Из голоса О’Доннелл исчезли стальные ноты. – Простите, мы все еще не можем вас пустить...

– Я принес одежду, – хрипло произнес старик, – чтобы одеть ее. Нашел дома кое-что из ее вещей, вот и решил...

– Мистер Лэм, сейчас это не срочно. Позже вы передадите одежду в похоронное бюро, и там...

– На ней рваные вещи! – По щекам мужчины побежали слезы. – Она бы не хотела... Ей нужно... Прошу вас, тут рубашка на пуговицах, легко надевается. Могу сделать все сам, и тогда уйду. Пустите меня на минуту...

Он пригнулся, чтобы пройти под лентой. Полицейский с журналом посещений уже приготовился схватить нарушителя, но О’Доннелл шагнула вперед и взяла Лэма под руку, словно помогая ему выпрямиться – и в то же время не давая пройти в дом.

– Тела вашей дочери тут нет. Его отвезли в морг, – сказала она. – Там проведут вскрытие. После этого тело отправят в похоронное бюро; туда вы можете отдать вещи, чтобы ее одели.

Старик беспомощно опустил взгляд на свой пакетик, с его подбородка упала слеза.

– Хотите отнести вещи в морг? – вдруг добавила О’Доннелл. – Я могу отдать распоряжение.

«Какое еще распоряжение?» – мелькнуло у Тейтума в голове, однако он тут же заметил облегчение на лице Лэма. Авторитет и деловой тон детектива действовали успокаивающе.

– Да, благодарю вас, – прошептал старик.

– Мистер Лэм, как думаете, получится у вас ответить еще на пару вопросов?

– Да, я... прошу прощения за свое поведение. Я не мог... просто не мог...

– Ничего страшного. – О’Доннелл перевернула страницу блокнота. – Скажите, пожалуйста...

– А это второй детектив? – Мужчина указал на Тейтума.

– Какой второй детектив? – О’Доннелл оглянулась.

– Разве не должно быть два следователя? Кажется, вы всегда работаете по двое...

– Так и есть. – Детектив на мгновение опешила.

Запахло неприятностями. Напарника О’Доннелл не было на месте преступления, и она явно не хотела об этом упоми-

нать. Родственнику жертвы могло показаться, что полиция по небрежности прислала только одного детектива на расследование убийства Кэтрин. Возможно, поэтому О’Доннелл замялась.

Тейтум вышел вперед:

– Меня зовут Тейтум Грей. Я работаю с детективом О’Доннелл.

Лэм кивнул и тут же отвернулся. Когда Тейтум поймал на себе взгляд О’Доннелл, та снова хмурила брови. Видимо, это единственная реакция, на которую он мог рассчитывать.

Детектив вновь обратилась к убитому горем старику:

– Опишите еще раз, что случилось сегодня утром.

– Я позвонил Кэти... Кэтрин. Ей вчера нездоровилось. В последнее время она часто болела, я волновался... На звонок она не ответила. Я звонил несколько раз, она не брала трубку. Потому и пришел. Думал, вдруг ей нужна помощь...

– В котором часу это было?

– Я... не помню.

– А когда вы позвонили в первый раз?

– Около восьми.

– И сколько прошло времени, прежде чем вы решили ее проведать?

– Полчаса, не больше.

– Последний раз вы звонили в половине девятого?

– Да... то есть нет. Я еще дважды звонил по дороге.

– То есть вышли где-то в восемь тридцать, по дороге зво-

нили два раза... И когда вы прибыли сюда?

– От моего дома идти минут пятнадцать. Должно быть, я пришел без четверти девять.

О’Доннелл кивнула, делая записи в блокноте.

– Вы стучали?

– Много раз, и никто не отозвался. Поэтому я повернул дверную ручку – оказалось не заперто...

– Кэтрин могла забыть запереть дверь?

– Нет, она никогда не забывала.

– Что вы сделали дальше?

– Я вошел. Вокруг хаос, на полу одеяло. В каких-то пятнах. И ее... я не сразу заметил ее руку из-под одеяла.

– Мистер Лэм, вы уверены, что она была накрыта одеялом, когда вы вошли?

– Уверен! Она лежала под одеялом. Я его поднял, а она... она такая холодная, в порванной одежде... Вся в крови и синяках... Я ее позвал, тряхнул за плечи. А она уже окоченела... – Взгляд мужчины стал отрешенным. – Я вызвал полицию.

– Что вы делали потом?

– Мне сказали, что полиция скоро будет. А одежда вся изорвана... и я снова набросил одеяло. Потом вышел из дома. Не мог там оставаться. Я ждал полицейских снаружи.

– Когда мы прибыли на место, на Кэтрин было украшение. Серебряная цепочка с крестиком. Она висела на шее Кэтрин, когда вы ее обнаружили?

– Да, она почти не снимала эту цепочку.

Тейтум слушал, как О’Доннелл расспрашивает Лэма, не упуская ни малейшей детали. Тот был растерян и невнимателен, поэтому некоторые вопросы приходилось повторять снова и снова. Грей поймал себя на том, что сочувствует Лэму. В какой-то момент Зои тоже вышла из дома и встала рядом.

– Вы знаете, кто это мог сделать? – спросила О’Доннелл.

– Конечно, нет! Все любили Кэтрин!

– Она с кем-то ссорилась? Случалось ли с ней что-то необычное?

– Нет. – Лэм помедлил, прежде чем ответить.

О’Доннелл слегка склонила голову.

– Вы сказали, что Кэтрин на прошлой неделе болела...

– Да, даже на работу не ходила.

– Где она работала?

– Она администратор в моей церкви.

– В вашей церкви? Вы священник?

– Да, я служу пастором в баптистской церкви Риверсайда.

О’Доннелл помолчала, делая записи и, как понял Тейтум, продумывая стратегию. Даже не зная ничего о местных порядках, можно было догадаться, что убийство дочери пастора, к тому же работавшей в приходе, привлечет внимание чикагских СМИ и чиновников.

– Итак, она сказалась больной, – продолжила О’Доннелл. – Сколько раз?

– Два... нет, три раза на этой неделе. Еще... она и раньше несколько раз не приходила на работу.

– Она объяснила, что с ней случилось?

– Нет.

– Она выглядела болезненно?

– Да. Какой-то поникшей. Обычно Кэти энергичная и жизнерадостная, а в последний месяц... – Его голос задрожал. Лэм говорил о дочери в настоящем времени, и это причиняло ему боль. – Несколько дней волонтерской работы она тоже пропустила.

– Мистер Лэм, вы упомянули, что Кэтрин выглядела усталой, – сказала О’Доннелл. – Были какие-то признаки болезни? Она жаловалась на боль или жар? Может быть, насморк? Хоть что-нибудь?

– Нет, ничего такого. Она ссылалась на женские проблемы.

– Возможно ли, что Кэтрин что-нибудь беспокоило? Что ее проблемы не были физическими?

– Она никогда не пропустила бы работу из-за таких пустяков! – В глазах Лэма блеснули слезы отчаяния. – Она жила ради церкви и волонтерства!

– Что за волонтерство?

– В нашем приходе. Она одна из двух духовных наставников.

– Кого же она наставляла?

– Всех нуждающихся.

– Кто обращался к ней регулярно, мистер Лэм?

– Многие. Трудные подростки, бедные семьи и те, кто утратил веру... – Его речь замедлилась, будто он стал вдруг взвешивать свои слова. – В общем, люди в беде.

О’Доннелл прищурилась. Видимо, тоже заметила странное поведение Лэма.

– Люди в беде, – уточнила она, – это и женщины, и мужчины?

– Верно, – отозвался Лэм.

– Те, кто хотел встать на верный путь? – предположил Тейтум.

– Да, точно.

– И бывшие заключенные? – спросил Тейтум.

Повисло молчание.

– Кэтрин консультировала тех, кто освободился из тюрьмы? – повторила вопрос О’Доннелл, переглянувшись с Гре-ем.

– Бывало. Вы должны понять. Эти люди ради Кэтрин жизни не пожалеют. Они бы никогда... только не так...

– Ясно. – О’Доннелл кивнула.

Она тут же сменила тему, задавая отвлекающие внимание вопросы, уточняя незначительные детали. В конце беседы мистер Лэм без проблем назвал имена и телефоны нескольких знакомых Кэтрин, в том числе второго консультанта.

Когда у О’Доннелл закончились вопросы, она отпустила пастора. Тот ушел, ссутулившись под гнетом худшего дня в

его жизни.

– Что ж, вы предположили, что Кэтрин знала своего убийцу, – произнесла О’Доннелл.

– Да, я так считаю, – отозвалась Зои.

– Значит, если ее убил бывший зэк, ваш подозреваемый тут ни при чем?

– Верно, Род Гловер никогда не сидел в тюрьме.

– Хорошо, – подытожила О’Доннелл, – я буду держать вас в курсе дела.

– А когда вскрытие? – спохватился Тейтум.

– Вероятно, завтра утром.

– Позвольте нам присутствовать? Когда получим отчет о вскрытии, мы оставим вас в покое.

О’Доннелл снова нахмурилась и наклонила голову.

– Ладно. Диктуйте свой номер. Как только узнаю время, я вам сообщу.

Глава 5

Воскресенье, 16 октября 2016 года

Зои и Тейтум ждали у входа в морг. Судмедэксперт, женщина средних лет по фамилии Террел, не горела желанием проводить вскрытие под пристальными взглядами трех человек.

– Как видите, здесь и так толпа народу, – сказала она, указывая на длинные ряды холодильников для тел.

Зои решила, что доктор Террел использует эту шутку далеко не впервые. Они с Тейтумом решили скоротать время в кафе неподалеку, за завтраком и чтением скупых заметок об убийстве в местной прессе. Вернувшись в морг два часа спустя, обнаружили, что вскрытие еще не закончено.

Это дело уже перестало интересовать Зои. Похоже, убийство Кэтрин Лэм рядом с прежним местом обитания Гловера – просто совпадение. У того почерк совсем другой. Он напал на женщин на улице, обычно около водоемов, подальше от людных мест, чтобы не было свидетелей. Последней, на кого Гловер напал в помещении, стала – месяц назад – Андреа, сестра Зои. Это преступление чуть не оказалось для убийцы фатальным, и, по мнению Зои, вряд ли он снова так

поступит.

Накрывать тело тоже не типично для Гловера. Расправившись со своими жертвами, он полностью терял к ним интерес. Зои не находила причин, чтобы на этот раз Гловер поступил иначе.

На Кэтрин Лэм явно напал некто, кого та знала. Преступник использовал перчатки, значит, смерть не была несчастным случаем – изнасилование и убийство входили в его планы. Однако потом он испытал приступ раскаяния. И явно растерялся, поэтому наступил в лужу крови и оставил следы. Чтобы заглушить чувство вины, накрыл тело одеялом. На счет цепочки Зои сомневалась: возможно, О’Доннелл права и украшение действительно было на жертве, а убийца не обратил на него внимания.

Зачем тогда забирать нижнее белье? Этот вопрос не давал Зои покоя. Тот, кто взял трофей, явно ни о чем не сожалел.

Впрочем, неважно. Убийца мог сунуть трусики в карман, когда порвал их.

Зои нетерпеливо поглядывала на часы. Драгоценное время таяло. Это расследование может ни к чему не привести. Манкузо, начальница отдела, дала им с Тейтумом десять дней на расследование дела Гловера в Чикаго, и срок почти истек. Осталось только два дня, и, прежде чем сдать, Зои хотела проверить еще пару зацепок. Каждую минуту, проведенную в ожидании отчета о вскрытии, они могли бы потратить на...

Двери морга распахнулись. О’Доннелл пригласила Зои и Тейтума внутрь. Детектив выглядела бледной, хотя, может, всему виной белый свет флуоресцентных ламп.

Когда Зои вошла в зал для вскрытия, у нее перехватило дыхание от характерного запаха – так пахла смерть, приправленная химикатами. Тело Кэтрин Лэм лежало на столе, швы на груди и животе складывались в большую букву Y. Зои впервые видела тело Кэтрин своими глазами. Теперь, когда она смогла осмотреть следы на шее жертвы, по спине Зои пробежал холодок. У всех жертв Рода Гловера были такие же отметины.

– Я закончила вскрытие и уже поделилась с детективом О’Доннелл некоторыми выводами, – сказала доктор Террел. – Предварительный отчет будет готов завтра, но О’Доннелл настояла, чтобы я повторила вам свои заключения.

– Спасибо, мы очень признательны, – поблагодарил Тейтум.

Террел коротко кивнула.

– К моменту поступления тело уже полностью подверглось трупному окоченению. Как правило, это означает, что смерть наступила от двенадцати до двадцати четырех часов до того, хотя в некоторых случаях может быть и меньше, особенно если перед смертью имела место высокая мышечная активность.

– Например, если жертва сопротивлялась, – предположил Тейтум.

– Именно. Однако я нашла кое-что интересное, изучая трупные пятна.

Трупные пятна появляются на коже после смерти из-за того, что кровь в теле оседает. Их вызывает единственная сила, которая продолжает действовать даже после смерти, – гравитация.

– Как и ожидалось, они сосредоточены на левом боку. – Террел показала синяки на левой руке и ноге Кэтрин. – Впрочем, при ближайшем рассмотрении обнаружились менее выраженные пятна и на правом боку.

– Кто-то перевернул ее после смерти, – заключила Зои.

– Когда тело нашли, оно лежало на правом боку... – задумалась О’Доннелл. – Полагаю, тело передвигали спустя какое-то время после смерти, когда трупные пятна почти полностью сформировались.

– И вы, очевидно, думаете, что это сделал отец, – сказал Тейтум.

Зои кивнула. Догадка звучала логично: Альберт Лэм нашел тело Кэтрин, и когда, по его же словам, тряс ее за плечи, сам того не заметив, перевернул ее. Если все действительно случилось так, можно вычислить примерное время смерти, поскольку они точно знали, когда мистер Лэм обнаружил убитую.

Интересный поворот. Первая заповедь поведения на месте убийства – ничего не трогать, пока полиция все не осмотрит. Тем не менее в этом случае уточнить время смерти

удастся именно потому, что Альбер Лэм передвинул тело дочери.

– На самом деле точно определить невозможно, – возразила Террел. – Есть вероятность, что тело лежало на правом боку, спустя несколько часов его перевернули, а потом снова вернули в прежнее положение, когда трупные пятна уже проявились.

– Вы можете сказать, сколько часов оно пролежало на левом боку? – спросил Тейтум.

– Предположительно от восьми до десяти часов.

Если догадки О’Доннелл верны, Кэтрин Лэм убили между одиннадцатью вечера и часом ночи.

– Также выяснилось, что у жертвы недавно был половой акт, обнаружены многочисленные ссадины. Это необязательно означает, что жертву изнасиловали, но такие травмы вряд ли возможны, когда все происходит по обоюдному согласию.

Не говоря уже о разорванной одежде и пропавшем белье. Доктор Террел стремится к предельной точности, хотя Зои не сомневалась в том, что Кэтрин изнасиловали.

– На лице, руках, коленях и левой груди обнаружены кровоподтеки. Причиной смерти стало удушение. Следы на горле соответствуют странгуляционной асфиксии. Они расположены горизонтально – при повешении такое невозможно, а это дает основания предположить, что имела место насильственная смерть. Следы широкие и неглубокие, ссадин или синяков нет. Вероятно, в роли удавки использовалось нечто

широкое и гладкое, вроде ремня.

Или галстука. Зои больше не могла ни отмахнуться от этой мысли, ни унять колотящееся сердце. Род Гловер душил своих жертв галстуками. Следы от них в точности подходили под описание Террел.

– Я не нашла на шее жертвы царапин или шрамов, которые указывали бы на то, что во время удушения на ней была цепочка, – добавила доктор Террел. – Не берусь утверждать наверняка, но считаю, что украшения на жертве в момент смерти не было.

О’Доннелл и Зои переглянулись.

– Что вы можете сказать о порезах? – спросил Тейтум.

– Прежде всего это не порезы, и нанесены они не ножом. – Террел обошла стол и указала на руку Кэтрин. – Присмотритесь повнимательнее; вы увидите не одно ранение, а три. Две маленькие колотые раны и одна большая. Их нанесли иглой. А тут на запястье есть синяки, как будто его сильно стискивали. Видимо, преступник схватил жертву за руку, чтобы ввести иглу.

– Ей сделали инъекцию? – удивился Тейтум.

– Без токсикологического анализа точно не скажу, хотя это вероятно. Однако игла очень толстая. Диаметр от полутора миллиметров до одного и восьми десятых. Для инъекций обычно берут меньший размер. Такие крупные иглы чаще используют для переливания крови. Честно говоря, я не представляю, зачем нужно было вводить иглу несколько раз.

– Может, убийца просто ничего не смыслит в медицине? – Тейтум насупился.

Террел согласно кивнула.

– Похоже на то. Посмотрите сюда. Видите синяк? – Она показала на большой пурпурный кровоподтек вокруг самой крупной раны. – Вероятно, он вызван разрывом кровеносных сосудов во время инъекции.

Зои наклонилась, чтобы рассмотреть поближе. Форма и размер кровоподтека навели ее на другую мысль.

– Не слишком ли он велик для следа от иглы? – задумчиво проговорила Бентли.

– Зависит от ситуации. Большая рана указывает на то, что иглой действовали грубо. – Террел объясняла терпеливо, но Зои услышала в ее голосе сомнение.

– А если синяк появился, потому что кровь высасывали? – спросила она.

Террел снова оглядела кровоподтек.

– Полагаю, такое возможно.

– Вы думаете, это что, засос? – поразилась детектив О’Доннелл.

– Как сказала доктор Террел, игла слишком толстая для инъекции, – заметила Зои. – Вероятно, убийца хотел взять у жертвы кровь, чтобы оставить про запас. А когда увидел кровотокающую рану, не удержался.

Тейтум, О’Доннелл и Террел, остолбенев, смотрели на Бентли с разной степенью удивления и отвращения во взгля-

дах. Зои не удостоила их вниманием. Известные серийные убийцы и сексуальные маньяки часто не гнушались питьем человеческой крови.

– Это допущение объясняет количество ран, – Террел наконец обрела дар речи. – Сначала игла дважды угодила в мышцы. С третьей попытки убийца попал в вену, повредив ее по неаккуратности. Может быть, поскольку жертва стала сопротивляться, отдернула руку... В результате из раны хлынула кровь. А чтобы получился такой синяк, убийца должен был пить очень жадно.

– Это можно как-то подтвердить? – спросила О’Доннелл.

– Я поищу остатки слюны методом флуоресцентной спектроскопии, – отозвалась доктор Террел после секундного раздумья.

– Как вы думаете, убийца действовал со знанием дела? – вновь заговорила Зои. – Или просто ткнул иглой туда, где увидел вену?

– Трудно сказать, потому что жертва, очевидно, сопротивлялась. В этом случае не справилась бы и опытная медсестра. Однако она, вероятно, целилась бы в срединную локтевую вену. Убийца, похоже, видел, как делается забор крови, например в Интернете. При этом вряд ли пробовал самостоятельно попасть в вену и точно этому не обучался.

Террел продолжила рассказывать о других мелких деталях, но Зои не стала вслушиваться. Гловер никогда раньше не проявлял интереса к крови своих жертв и уж тем более не

пил ее. Как и все ниточки, проверенные Зои и Тейтумом за последнюю неделю, эта тоже привела в тупик.

Глава 6

– Насчет цепочки вы правы, – выпалила О’Доннелл, как только они вышли из морга. – Видимо, он надел на жертву украшение уже после убийства.

Зои, похоже, не собиралась праздновать победу. Вчера она выглядела намного бодрее. Ну хоть что-то у них есть общее! Детектив тоже устала; частично – из-за присутствия на вскрытии. Выходя из морга, она всегда чувствовала себя так, будто пробежала выматывающий марафон, и тошнотворный запах еще долго ее преследовал. Да и вчерашний день не прошел бесследно...

Опрос соседей ничего не дал. Никто из них не слышал и не видел ничего подозрительного и не был близко знаком с Кэтрин Лэм. О’Доннелл провела несколько часов, беседуя с двумя лучшими подругами Кэтрин. Выяснилось, что в последние пару месяцев та все больше от них отдалялась. Говорила, что занята работой в церкви. Обе девушки заметили, что Кэтрин при встрече каждый раз выглядела изможденной. Одна подруга даже подозревала у нее депрессию.

С мистером Лэмом детектив О’Доннелл больше не разговаривала. Мать Кэтрин умерла три года назад. Она занималась административной работой в приходе, и когда ее не стало, Кэтрин поначалу просто помогала разобраться с делами, а потом заняла должность официально.

Зато О’Доннелл имела краткий разговор со вторым приходским консультантом, которого звали Патрик Карпендер. Он сказал, что новость об убийстве Кэтрин оказалась для него шоком, но его мысли заняты еще и тревогой о беременной жене, которую госпитализировали неделю назад. Карпендер не виделся с Кэтрин несколько дней, однако разговаривал с ней по телефону в пятницу, за пару часов до ее смерти. На вопрос О’Доннелл о состоянии Кэтрин он ответил, что не замечал за ней ничего необычного. Как только детектив попросила список людей, приходивших на консультации, тон мистера Карпендера стал ледяным. Назвать имена он наотрез отказался, хотя в конце концов неохотно дал согласие обсудить это еще раз на следующий день.

– Хотите, я вас угощу? – предложила О’Доннелл.

– Спасибо, – отозвался Тейтум, – но мы спешим, и...

– Дайте минутку. – С этими словами детектив ушла к автомату с напитками.

Она нажала на кнопку со значком «Кока-Колы» и расплатилась картой. Потянула за язычок банки – и в тихом шипении, казалось, услышала обещание сладкой неги. Сделала большой глоток – тошнота и головная боль сразу начали сдавать позиции. Детектив повернулась к Зои и Тейтуму, смотревшим на нее во все глаза.

– А вы себя чем травите? Мне вот после визита на вскрытие нужен сахар.

Оба тоже попросили колу. Пару минут все трое молча

стояли у дверей морга, отхлебывая газировку. Хоть сейчас на рекламный плакат: «Посмотрев, как вынимают из черепа мозг, – освежись кока-колой!»

Разумеется, маркетологи еще поколдовали бы над этим слоганом.

У О’Доннелл зазвонил телефон – это был Кайл.

– Да, – ответила она тоном, который означал, что сейчас не время для бесед.

– Мама?

– Привет, малышка. – Голос О’Доннелл тут же потеплел. – Я сейчас не могу говорить. У тебя все хорошо?

– Нет! – Нелли явно готова была расплакаться. – Это срочно!

Нелли всего пять лет, но она уже твердо знала, что такое «срочно». Звонить матери разрешалось только в случае крайней необходимости. Поэтому почти любая ситуация сопровождалась словом «срочно».

– Что такое, крошка? – вздохнула О’Доннелл.

– Папа не может найти мои фиолетовые штаны. А мне нужны эти штаны, я иду в гости к Анне, и я говорила тебе, что они мне нужны, и ты сказала, что их постираешь, а папа теперь говорит надевать черные штаны, а я не могу.

Откуда-то издалека донесся голос Кайла, мужа О’Доннелл:

– Нелли, не отвлекай маму, эти штаны тоже хорошие! Иди сюда. Нелли, не надо... – Голос внезапно стих.

– Нелли, ты тут? – забеспокоилась О’Доннелл.

– Да. Я закрылась в ванной.

О’Доннелл снова вздохнула:

– Скажи папе, что они на диване для постиранного.

Это был обычный диван в гостиной, на котором постоянно валялись горы выстиранной одежды, поэтому на нем никто никогда не сидел.

– На диване папа уже смотрел. И теперь там бардак! – Нелли явно радовалась возможности наябедничать.

– Они в третьей стопке слева, под белыми рубашками.

– Пап! – взвизгнула Нелли. – Фиолетовые штаны на диване для постиранного, под белыми рубашками в третьей куче!

Хотя звонок пришелся совсем не вовремя, Холли со странным удовольствием слушала, как Нелли говорит «фиолетовые». Она произносила это слово медленно, старательно выговаривая слоги. От этого у О’Доннелл сладко щемило в груди.

– Я там уже искал! – Приглушенный голос Кайла звучал сердито.

– Посмотри еще! – крикнула Нелли.

– Секундочку, – сказала О’Доннелл, взглянув на Зою и Тейтума.

– Он нашел! – сообщила Нелли. – Спасибо, мамочка!

– Пока, малышка. Анне привет.

Нелли отключилась, и О’Доннелл опустила телефон в карман.

– Вчера я говорила с Мартинесом, – обратилась она к федеральным агентам. – Вернее, я на него накричала. У него нет полномочий рассказывать вам об убийстве, не обсудив это прежде со мной.

– Мы вовсе не хотели нарушать субординацию, – сказал Тейтум.

– Соблюдать ее вы тоже не особенно старались, – парировала детектив. – Впрочем, это уже неважно. Мартинес сказал, что вы оба – те еще занозы в заднице.

– У нас с ним напряженные отношения, – пояснил Грей.

– Но еще он сказал, что вы свое дело знаете и на вас можно положиться. Раньше я расследовала два убийства на почве секса. В одном случае убийцей оказался бывший парень жертвы, в другом – насильник, у которого все пошло не по плану. В подобных расследованиях я уже кое-что понимаю. Однако впервые сталкиваюсь с тем, что преступник пьет кровь жертвы. Или находит время, чтобы надеть на нее украшение перед уходом. Мартинес заверил, что вы можете составить для меня профиль убийцы...

– Мы заняты другим делом, – отрезала Зои.

– Да, делом Рода Гловера, вы говорили. А вдруг он и есть убийца?

– Не похоже.

– Почему?

– Почерк нашего убийцы значительно отличается от почерка Гловера...

Телефон О’Доннелл снова зазвонил.

– Запомните свою мысль, – сказала Холли, с раздражением вынимая телефон из кармана. Звонок был от Ларсена из судмедэкспертизы. Он отвечал за анализ места убийства Кэтрин Лэм. – О’Доннелл.

– Я кое-что нашел.

Детектив выжидала. Ларсен тоже держал паузу. Он любил все контролировать и никогда не давал собеседнику перехватить инициативу.

– И что же ты нашел? – наконец не выдержала О’Доннелл.

– Мы сравнили следы с места убийства.

Вчера он сообщил, что есть следы и левого, и правого ботинка убийцы, сорок третьего размера. Ларсен заверил, что если О’Доннелл найдет ботинки, то он с легкостью докажет их соответствие следам. В суде это будет весомым аргументом.

– Следов осталось много, в разных комнатах. Сегодня я делал их опись и заметил, что один из них отличается. Тот частичный отпечаток, который нашли в ванной. Он не похож на остальные. И он точно оставлен не жертвой. А если ваши ребята не забыли надеть бахилы, то след и не наш.

– Отец жертвы появился там раньше нас, – заметила О’Доннелл. – Может, он заходил в ванную...

Если мистер Лэм бегал в ванную, потому что его вырвало, это можно было легко понять. Как и его молчание по поводу этого факта.

– Ее отец носит сорок первый размер, а эти следы – сорок второго. В общем, мы еще раз проверили все улики – и угадайте, что нашли...

Он правда ждет, что она будет угадывать? О’Доннелл капитулировала сразу:

– Что?

– Помните кровавые пятна по всему дому? Так вот, они сделаны не одним, а двумя людьми. Я отправил снимки специалисту по отпечаткам пальцев, и он это подтвердил. Даже если на руках были перчатки, есть возможность определить принадлежность оставленных следов, и в нашем случае отпечатки значительно отличаются друг от друга.

– Значит, после убийства в доме побывали двое. Оба мужчины?

– Да, на это указывают и размер обуви, и строение кистей рук. Но это еще не все... – Снова последовала многозначительная пауза.

– Что же еще? – опять подыграла О’Доннелл.

– Дело в том, что я решил тщательнее поискать за пределами дома. Если у дверей побывали двое мужчин, могли остаться другие улики. И мы нашли еще один след ботинка сорок второго размера во дворе, а потом еще один след ладони на дверной раме. Не радуйтесь, отпечатков пальцев там нет, но след тоже принадлежит второму посетителю.

– Понятно. Что-нибудь еще?

– Нет, это все.

– Держите меня в курсе, – сказала О’Доннелл и, зная, что он ждет похвалы, добавила: – Отличная работа, Ларсен!

Договорив, она повернулась к федеральным агентам. Зои преобразилась; теперь ею владели нетерпение и азарт.

– Так на месте преступления побывали двое?

– Похоже на то, – осторожно подтвердила О’Доннелл.

– Это объясняет все нестыковки. – Бентли взглянула на Грея. – Если Гловер нашел себе напарника.

– Причем менее опытного, – добавил Тейтум, – кем легко манипулировать.

– Должно быть, второй преступник уже давно фантазировал о Кэтрин. Вот почему они выбрали именно ее. Он с ней знаком.

– И поэтому она открыла ему дверь, – продолжил Тейтум.

– Причем он действовал первым, об очередности они договорились заранее. Возможно, он даже не знал, что Гловер планирует убить жертву.

– И когда тот задушил ее, подельника стала мучить вина. Он накрыл тело одеялом, нашел цепочку и надел Кэтрин на шею.

– А Гловер не забыл прихватить трофей.

Наблюдая за Тейтумом и Зои, О’Доннелл ощутила укол ревности. Когда-то они с напарником были такими же. Джима приставили к Холли, когда ее назначили детективом в отделе убийств. Они работали плечом к плечу четырнадцать месяцев. Тогда О’Доннелл даже не догадывалась, как ей по-

везло. Она-то наивно полагала, что легкость в общении и работе с Джимом – обычное дело, естественный порядок вещей. Потом Джима повысили и перевели в другой отдел, а ей достался Мэнни Ши. И начался сущий ад. Холли приходилось либо прикрывать Мэнни, либо не замечать то, что он вытворял. Когда его темные делишки наконец вскрылись, О’Доннелл тоже заплатила свою цену. Теперь осталась без напарника – и поделом...

Наблюдая, как Тейтум и Зои заканчивают друг за друга предложения и обмениваются взглядами, значение которых недоступно Холли, она будто возвращалась в детство. Она снова одиноко стоит в школьном дворе и смотрит, как играют другие дети...

– Не хочу нарушать вашу идиллию, – слукавила О’Доннелл, – однако нет никаких доказательств того, что этот ваш Гловер причастен к нашему делу. И я не хочу, чтобы расследование накрылось из-за ваших поспешных выводов.

– Вы правы, – поспешно согласился Тейтум, – но мы можем помочь.

– А если вы начнете подгонять профиль убийцы под своего старого знакомого? – О’Доннелл скептически смотрела на них. Вообще-то помощь не помешала бы, пусть их версия и вышла подозрительно складной...

– Мы займемся профилем второго преступника, – предложила Зои. – Того, что пил кровь. Скорее всего, накрыл жертву тоже он.

– Вы не можете знать это наверняка, – не сдавалась О’Доннелл.

Она поймала взгляд Зои: в глазах профайлера читалась решимость кошки перед прыжком на добычу.

– Мы будем вам полезны.

Честно говоря, О’Доннелл не отказалась бы от любой помощи, какой бы та ни была.

Глава 7

Владеющему собой человеку спать не нравилось. По крайней мере, в эту последнюю неделю, когда он перестал принимать таблетки.

Раньше такие проблемы его не заботили. Благодаря препаратам он отключался на десять, двенадцать, а то и четырнадцать часов в день. Его сон был глубок, словно он погружался в мокрый цемент. И никаких сновидений, насколько он мог судить. Он знал, что остальные люди видели сны, но какой в них толк, если наутро их даже не помнишь?

Теперь же, без своих таблеток, он спал все меньше.

Теперь он помнил сны. В них он словно находился в центре урагана из гнева, страха и похоти. Он просыпался рядом с причудливо скрученным одеялом, а простыни выглядели так, будто он ночью их душил.

Засыпая, он переставал владеть собой. Хотя знал: сейчас это самое важное. Выдержка. Он и раньше терял самообладание, что всегда кончалось трагедией. Больше этому не бывать.

Он давно понял, что выдержка – не свойство характера. Она скорее похожа на костюм. Сценический образ, маскировка для других. Пока изображаешь, что держишь себя в руках, все действительно в твоих руках. Волк в овечьей шкуре – кажется, так говорят. Только разве не этого все добива-

ются? Чтобы ты прикинулся одной из милых овечек?

Он встал с кровати. Если поспать урывками днем, ночью можно совсем не ложиться. Он взглянул в зеркало. На рубашке пятно. Владеющий собой человек не носит грязных рубашек. Он переделался и пригладил волосы. Вежливо улыбнулся своему отражению, оно улыбнулось в ответ.

В следующий раз не так широко. Владеющий собой человек так зубами не сверкает. Он улыбнулся одними губами.

Мысленно застегнул пуговицы на своем воображаемом костюме, сделал глубокий вдох и вышел из спальни. Дверь в гостевую комнату заперта. Он уже поднял руку, чтобы постучать, но решил вместо этого пойти в кухню.

Самое время для чашки кофе: черный кофе теперь ему лучший друг, отгоняющий сон. Не сделать ли сэндвич? Он открыл холодильник в поисках сливочного сыра, купленного в пятницу.

Перед глазами тут же оказались пять пузырьков с кровью. Он успел их наполнить, пока Дэниел не забрал ее себе. От одного взгляда на пузырьки у него потекли слюнки. Живо вспомнился соленый металлический вкус, такой бодрящий, такой непохожий на кровь животных, такой полный жизни... Неужели он не может позволить себе выпить один флакон? Не весь, всего один глоточек, чтобы взбодриться... Выдержка. Эти флаконы не для него.

Он нашел сыр и захлопнул холодильник. Сытный сэндвич и кофе – и полный порядок. обойдется без крови. Ему и так

гораздо лучше.

Три дня назад все было иначе. Его разъедали недуги. Мигрень, боль в горле, тошнота, тахикардия. Врач заверил, что он здоров, но «Гугл» с ним не согласен. Нет сомнений – либо сепсис, либо порок сердца. А врачам и дела нет! Как сказал Дэниел, если не купишь медицинскую страховку на миллион долларов, в этой стране ради тебя никто и пальцем не пошевелит.

Не очень-то и хотелось. Он уже давно выяснил правду. Конечно, ее тщательно скрывали. Однако если вдуматься, все встает на свои места. Почти от любой болезни поможет немного крови другого человека. Это обогащает собственные белые кровяные клетки, укрепляет иммунную систему. Еще лучше, если кровь чистая, по-настоящему чистая.

Жаль, что нельзя было выбрать кого-то другого. Ведь, как сказал Дэниел, «нам нужна самая чистая кровь».

Кроме того, владеющий собой человек заботился не только о себе. И все шло замечательно. С той ночи он чувствовал себя хорошо. На самом деле даже лучше, чем хорошо. Теперь он действительно, по-настоящему здоров. Ему придется меньше спать, кошмары стали мрачнее, но этого следовало ожидать. Не то чтобы у него был выбор.

Он вдруг осознал, что стоит у открытого холодильника и держит в руке один из пузырьков. Занятно, он даже не заметил, как здесь оказался, – настолько его поглотили размышления. Он откупорил флакон, чтобы понюхать содержимое.

Ничего больше.

Пахло самой Жизнью.

Он осторожно поднес флакон к губам. Холодная, она показалась совсем другой на вкус. Не хуже, просто другой. И ничего страшного: осталось еще четыре пузырька.

Он вымыл флакон, затем подошел к двери гостевой комнаты и постучал.

– Да? – Голос звучал рассеянно.

Он открыл дверь. В комнате темно, жалюзи закрыты. Дэниел сидел за столом перед ноутбуком. В белом свете монитора его глаза выглядели еще более запавшими, а кожа – еще бледнее, чем обычно.

– Ты не хочешь что-нибудь съесть или выпить?

– Нет, спасибо. – Дэниел посмотрел на него и устало улыбнулся. – Выглядишь намного лучше.

– Я и чувствую себя лучше.

– Лекарство сделало свое дело, да?

Так Дэниел это называл. Лекарство. Единственный человек в мире, который все понял.

– Да, явно помогло. – Он облизнул губы. – Ты уверен, что не хочешь...

– Спасибо, не нужно, – перебил Дэниел. – Ты же знаешь, я не могу.

– Тебе полегчает, если попробуешь.

– Даже не уговаривай.

– Хорошо, – помедлив, ответил человек, владевший со-

бой. – Скажи, если передумаешь.

– Тебя больше не тяготит то, что мы сделали? – спросил Дэниел.

Владеющий собой человек сглотнул.

– Мы же поступили, как должны были?

– Нашей вины тут нет, – подтвердил Дэниел. – Виноваты страховые компании, правда? Если б их волновало здоровье таких, как мы...

– Верно, верно.

– Ты точно в порядке? Вчера ты плакал и повторял, что нам нужно сдать полицию. Ты меня напугал, приятель...

– Всего лишь забылся на минуту. Теперь я в норме.

– Ага. – Дэниел встретился с ним взглядом.

– Я лучше потом зайду. – Он поспешно закрыл дверь, пытаясь унять колотящееся сердце. Его самообладание – лишь маскировка, и Дэниел видел его насквозь.

На него вдруг навалилась усталость. По-видимому, совсем не спать все же было ошибкой. Сегодня ночью, пожалуй, стоит выспаться. Всего раз. Если б он поспал, то лучше владел бы собой. Тогда не напугал бы вчера Дэниела своим срывом. Он добрал до ванной и открыл шкафчик с лекарствами. Таблетки ждали его там, разложенные в коробочки по дням недели. Он пропустил шесть дней. Наверное, достаточно будет принять сегодняшнюю дозу и не трогать остальные. Он открыл коробочку с надписью «Воскресенье» и вынул одну таблетку.

– Что ты делаешь? – От голоса за спиной он вздрогнул и чуть не выронил лекарство.

Повернулся. Позади него в дверях ванной стоял Дэниел.

– Подумал, что сегодня мне лучше выпить таблетку и выспаться, – произнес он. – Я устал вчера, понимаешь?

– Конечно, конечно, – Дэниел закивал, – хорошая мысль.

– Ты правда так думаешь?

– Почему нет? Сон всем нужен. Хотя... ты уверен? Ты же говорил, что ненавидишь ощущения после этих таблеток.

– От одной вреда не будет.

– Кажется, тебе не нравился зуд в горле? Как будто таблетка царапает глотку...

Это правда. Он тут же вспомнил эти ужасные ощущения. А принять нужно было шесть таблеток. Шесть!

– Я думал, тебе лучше. Думал, ты взял себя в руки, – добавил Дэниел. – Но, возможно, тебе и впрямь лучше выпить свои пилюли. Чтобы владеть собой.

– Я и так владею собой. – Он поймал на себе скептический взгляд. Повинуясь внезапному порыву, вытряхнул содержимое таблетницы в унитаз и спустил воду.

Дэниел одобрительно хмыкнул, а человек, владевший собой, улыбнулся. Приятно слышать дружеский смех.

– Ты просто нечто, ты в курсе? – Дэниел похлопал его по плечу и повернулся.

Глядя, как тот возвращается в свою комнату, он кивнул сам себе. Ему не нужны таблетки. Он владеет собой.

Глава 8

Зои застыла, глядя в окно на дальней стене большого кабинета. Из-за ненастной погоды улица казалась совсем мрачной. Кроме того, из окна открывался вид на здание центра по делам несовершеннолетних, которое и в солнечный-то день вряд ли смотрелось жизнерадостно.

Ей и Тейтуму выделили два рабочих стола в кабинете на четвертом этаже чикагского офиса ФБР. В первые дни с ними общались как с посторонними – вежливо и недоверчиво. Зои и Тейтум не понимали здешних расхожих шуточек, не знали, откуда у некоторых агентов взялись загадочные прозвища. Вскоре после их приезда в Чикаго у одного сотрудника был день рождения. Зои идти не хотела, но Тейтум потащил ее на празднование и заставил проходить утомительный ритуал «тортик-и-открыточка». Ей пришлось стоять там и выслушивать от агента, имени которого она не запомнила, благодарности за торт, на который она не делала взнос. Двадцать минут впустую. А торт оказался так себе.

Сейчас, неделю спустя, она – все еще изгой. Не то что Тейтум. Он выучил все прозвища. С ним агенты охотно перешучивались. Он в курсе всех местных дел. Одна девушка из отдела аналитики даже флиртовала с ним.

Впрочем, все это ровным счетом ничего не значило. Через пару дней они должны уехать. И Зои совсем не хотелось

тратить время на болтовню о политике, погоде и играх «Чикаго кабс»³.

Облегчением стало то, что в выходные кабинет обезлюдел. В ближайшие пару дней он принадлежал только Зои и Тейтуму.

Она вернулась к работе, мысленно отчитав себя за то, что отвлеклась. У них наконец появилась зацепка. Путеводная ниточка. Расслабляться уже некогда.

Перво-наперво нужна музыка. Зои задумалась, просматривая подборку треков. Тейлор, Кэти и Бейонсе ждали своего часа. Неожиданно для самой себя она выбрала альбомы всех троих. Еще секунда – и в плейлист добавлены альбомы «Big GRRRL Small World» веселой Лиззо и «25» Адель. Удивляясь своей легкомысленности, Зои нажала на кнопку «Перемешать треки». Первой песней, заигравшей в наушниках, стала «Peacock» от Кэти Перри. Зои разрешила себе покачивать головой в такт музыке, но очень старалась не подпевать – Тейтум мог услышать.

Затем стала одну за другой снимать фотографии, висевшие на низких перегородках вокруг ее стола. Это были снимки с мест убийств, совершенных Гловером, и Зои хотела освободить от его влияния свой импровизированный кабинет. Не зря О’Доннелл напомнила им избегать любых предвзятых суждений об этом деле. Улики указывали на то, что

³ «Чикаго кабс» – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге.

убийство Кэтрин Лэм совершили двое мужчин. А вот определить их личности пока не удавалось.

Сняв фотографии, Зои собрала разбросанные по столу бумаги. В основном стенограммы: многочисленные опросы всех знакомых Гловера, которые, по большей части, приходились ему коллегами. А также разные документы, по которым отследили передвижения Гловера: три договора аренды, штраф за превышение скорости и банковские выписки со счета на имя Дэниела Мура. Зои снова задалась вопросом, как Гловер сумел создать поддельную личность. Должно быть, ему кто-то помог.

Нет, сейчас не время думать об этом. Новое расследование – свежий взгляд.

На телефон пришло уведомление «Инстаграм». Если не считать двухнедельного увлечения «Фейсбуком» и наполовину заполненного профиля где-то еще, соцсети никогда не интересовали Зои. Но не теперь. У Андреа раньше был аккаунт в «Инстаграме», и когда та уехала, Зои завела свой. Сама она ничего не публиковала, в профиле ее аккаунта *_ZBentley* не было даже фотографии. Подписалась только на страницу сестры. Андреа обозвала ее маньячкой, хотя Зои не поняла, почему.

Она нажала на уведомление – открылась новая публикация Андреа. Селфи с подписью о ностальгии по тем временам, когда она спала в комнате старшей сестры. Присмотревшись, Зои разглядела на заднем плане плакат с Вайно-

ной Райдер – постер к одному из ее любимых фильмов «Прерванная жизнь», купленный на следующий день после похода в кинотеатр и висящий с тех пор над кроватью. Взгляд Зои скользил по знакомым предметам за спиной сестры: письменный стол, старая лампа, маленькая тумба у кровати. На фотографии Андреа улыбалась, а в глазах стояла грусть, и выглядела она моложе, почти подростком. Зои вдруг затосковала по дому.

Она даже хотела оставить едкий комментарий, напомнив сестре, что та могла бы прямо сейчас спать в квартире старшей сестры. Потом передумала и вместо этого написала: «Скучаю» – и добавила сердечко для убедительности.

Последние пару недель они почти не разговаривали. Зои толком не знала, из-за чего. Они созванивались несколько раз, но разговор не клеился: Андреа мучительно искала тему для беседы, а Зои изо всех сил старалась не испортить все в первую же секунду. Это из-за нападения Гловера на Андреа? Разговор с Зои напоминал ей о той ночи? Или это Зои невольно вспоминала, что из-за нее сестру чуть не убили?

Скорее всего, и то, и другое.

Зои отложила телефон и раскрыла папку с документами. О’Доннелл прислала электронные версии материалов дела, а Бентли распечатала первичный отчет и восемь фотографий с места преступления. Разложила их в два ряда, по четыре снимка в каждом. Тело Кэтрин Лэм, накрытое одеялом и без него. Кровавые следы ботинок. Один снимок спальни, один

– ванной. Пятна крови на раковине.

Это был акт садизма: двое мужчин врываются в квартиру одинокой женщины, насилуют и убивают ее. Выглядит как случай беспримерной жестокости. Для Кэтрин, безусловно, все так и было. Однако при внимательном рассмотрении Зои поняла, что преступление не было единой пьесой. Оно состояло из коротких действий, в каждом из которых на первый план выходил один из мужчин.

Кто из них выбрал жертву? Кто продумал нападение? Кто вводил жертве иглу? Каждое действие могло что-то сообщить о преступнике. Обычно детали складываются в единую картину, создавая образ подозреваемого. Но здесь Зои сначала придется кропотливо разделить все, что им известно, на две группы.

В детстве у нее была коробка с любимыми пазлами. В ней хранились два, с Микки Маусом, каждый из сотни фрагментов. Микки-гольфист и Микки-лыжник. Кусочки неизбежно перемешивались в коробке. Когда Зои начинала складывать картинку, ей всегда приходилось сортировать фрагменты. На обороте каждого кусочка были метки, чтобы различать их. Крестики – Микки на лыжах, кружочки – Микки на гольф-поле.

В каком-то смысле это напоминало новое дело. Зои не могла описать убийц, не зная, какие роли они исполняли. Детали преступления нужно разделить. К сожалению, на них нет ни крестиков, ни кружочков...

Зои схватила блокнот и принялась составлять список:

Знакомство с жертвой

Выбор жертвы

План

Раны от иглы

Изнасилование

Убийство удушением

Одеяло, накрывающее тело

Кровавые следы

Трофей

Цепочка

Вчитавшись в список, Бентли задумалась об отношениях между преступниками. У работавших в паре убийц могло быть несколько схем поведения. Иногда они испытывали друг к другу романтические чувства и действовали на равных – но здесь явно не тот случай. Слишком уж отличалось их поведение. Нет, в этом деле один доминировал, а другой был ведомым – типичные взаимоотношения для жестоких преступников. Зои мысленно дала убийцам обозначения: субъект альфа и субъект бета.

За разработку плана отвечал альфа. Вероятно, ему же принадлежала сама идея преступления. Он был предводителем. Жертву выбирал тоже он. Хотя это вовсе не означает, что именно он знал Кэтрин. Возможно, с ней был знаком

второй преступник, бета. Альфа выбрал ее, чтобы убедить напарника вступить в игру и затем манипулировать им.

Несмотря на ее решимость забыть о Гловере, Зои не могла не заметить, что поза жертвы и следы удушения походили на его почерк. Женщины, задушенные во время изнасилования. Одновременно изнасилование и убийство. Это признак одержимости, стремления к власти и господству. Характерно для альфы.

Кусая губы, Зои обвела в списке то, что, по ее мнению, относилось к убийце альфа. В наушниках мягкий голос Адель просил предавать ее нежно. В этот момент кто-то похлопал Зои по плечу, вызвав в ней волну раздражения. Она терпеть не могла, когда ее отрывали от работы в середине песни. Выключила музыку и повернулась к Тейтуму.

– Что тебе?

Услышав ее тон, он улыбнулся, при этом удивленно вскинув брови.

– Только что звонила О’Доннелл. Судмедэксперт проделала ту штуку с микроскопом.

– Штуку? – Зои несколько раз щелкнула авторучкой в такт прерванной песне, звучавшей у нее в голове.

– Ну, ты поняла, о чем я. Чтобы найти слюну.

– Флуоресцентная спектроскопия.

– Точно!

– При чем тут микроскоп?

– Так тебе интересно, что она нашла? Или будешь дальше

высмеивать мое невежество?

– Что она нашла? – Щелк-щелк-щелк – Зои продолжала истязать ручку.

– Вокруг большой колотой раны обнаружены следы человеческой слюны. Ты была права.

Зои кивнула, щелчки прекратились.

– Онпил кровь.

– Похоже на то. О’Доннелл сказала, что токсикологический отчет еще не готов, поэтому пока нельзя утверждать, что жертве не делали инъекцию.

– Угу. – Зои повернулась к своему списку и вычеркнула «Раны от иглы», написав рядом: «Употребление крови».

– Слушай, я уже есть хочу. А ты не проголодалась?

– Слегка, – рассеянно пробормотала она. – Надо подумать.

– Долго не тяни. Не то я съем свою клавиатуру.

Как только Тейтум ушел, в наушниках снова запела Адель, но Зои не слушала ее и даже не подпевала. Употребление крови. Один из убийцпил кровь жертвы. Вероятно, еще набрал немного про запас.

Вопреки общепринятым убеждениям, человек, пьющий кровь, необязательно сумасшедший. Им определенно владеют крайне нетипичные фантазии; тем не менее в ряде случаев люди, склонные к каннибализму или питью крови, не безумны с медицинской точки зрения. И далеко не все из них совершали убийства.

Психиатры расходятся во мнениях относительно клинического вампиризма, называемого еще синдромом Ренфилда. Одни считают его мифом, другие – реальным заболеванием. Многие специалисты полагают, что употребление крови человеком – не более чем симптом другого заболевания, например шизофрении. Зои не знала точно, где проводились научные дискуссии и описан ли синдром Ренфилда в медицинской литературе, но припомнила исследователя из Атланты, который изучал это явление последние семь лет.

Она нашла адрес его электронной почты в Интернете и быстро набросала письмо. Объяснила, что столкнулась со случаем клинического вампиризма при расследовании, и спросила, есть ли сведения о пострадавших от него в Чикаго.

Затем вернулась к списку. До сих пор она приписывала все проявления агрессии субъекту альфа и допускала возможность, что бета оставался лишь зрителем, наблюдавшим за альфой, но сильно в этом сомневалась. Тот, кто надел на жертву цепочку и накрыл ее тело, не мог забрать трофей. Он чувствовал себя виноватым. Значит, он сделал больше, чем зритель. Он участвовал в нападении. Это, вероятно, означало, что кровь пил именно он. По словам Альберта Лэма, Кэтрин почти никогда не снимала серебряную цепочку. Человек, надевший украшение на жертву, скорее всего, был с ней знаком. Он заметил, что цепочки нет, отыскал ее и надел на Кэтрин.

Зои продолжала делить список, поглядывая на фотогра-

фии, чтобы найти подтверждение своим догадкам. Наконец получилось два списка поменьше.

Альфа – выбор жертвы, план, изнасилование и убийство, трофей

Бета – знакомство с жертвой, употребление крови, одеяло, цепочка

А что с кровавыми следами? Судя по отчету полиции, в спальне обнаружили много отпечатков ботинок сорок третьего размера. Видимо, они принадлежали субъекту бета, который искал цепочку. Выходит, большинство следов – его. Он случайно наступил в пятно крови, потому что метался вокруг тела жертвы.

Во всей квартире найден лишь один частичный отпечаток ботинка другого размера. Альфа заметил, что наступил в кровь, и вытер подошву ботинка. Аккуратно, спокойно, помня об осторожности. Он наверняка убивал и раньше. Бета же был новичком.

В животе громко заурчало. Зои проголодалась. Она включила музыку, сняла наушники и окликнула Тейтума, сидевшего за перегородкой:

– Эй, ты еще хочешь есть?

– Еды... скорее, – просипел он в ответ голосом изможденного в пустыне.

Бентли закатила глаза.

– Ладно-ладно. Только давай найдем кафе посимпатичнее. Мне нужно сменить обстановку.

Глава 9

Желудок мужчины склонен к непостоянству.

Обсуждение кулинарных запросов затянулось в основном по вине Тейтума. Он внезапно ощутил острое желание съесть бургер, поэтому отклонил несколько предложенных Зои кафе, где бургеры не готовили. Когда она раздраженно потребовала решать скорее, бургеры ему уже есть расхотелось.

В конце концов остановились на заведении «Таверна Нико» с неплохими отзывами, включая один пятизвездочный: «Здесь мне сделал предложение Тони, любовь всей моей жизни!!!!!! Шашлычки-сувлаки очень неплохи».

Свободных столиков почти не оказалось, но один все-таки нашли – в дальнем углу у окна, выходящего на оживленную улицу. Внутри было шумно: разговоры десятков посетителей и звон посуды с кухни смешивались с веселой греческой мелодией, раздававшейся из динамиков под потолком.

К ним тут же подбежал официант – круглолицый мужчина с проседью в волосах и широкой улыбкой под густыми усами. Он предложил попробовать «Особое меню Нико для пар», которое состояло из нескольких блюд. Хотя парой они не были, предложение сочли заманчивым. Тейтум также заказал себе стакан узо – анисовой водки.

– Музыка действует мне на нервы, – пожаловалась Зои.

– А мне нравится, – с улыбкой ответил напарник. – Очень атмосферно.

Бентли покачала головой. Повисло молчание. Играла музыка. Женщина за соседним столиком громко и отрывисто смеялась, напоминая лающую гиену. В другом конце зала хором пели «С днем рожденья тебя», перекрикивая звук из динамиков. Тейтум надеялся, что местная еда стоит этих мучений.

– Как там Марвин? – спросила Зои.

Грей вздохнул. Час назад он получил от дедушки загадочное сообщение: «У нас есть ножовка?» У Тейтума она была, однако он, повинувшись инстинкту, ответил, что ножовки нет. Ответ пришел почти сразу: «Врунишка, я уже нашел!» Поддавшись панике, которую у него частенько вызывало общение с дедом, Тейтум осторожно поинтересовался, зачем Марвину ножовка. Тот не ответил ни на сообщение, ни на три телефонных звонка. Грей еще размышлял, попросить ли соседа проверить, чтобы Марвин не отпилит себе руку.

– У него все хорошо, – наконец ответил Тейтум. – Развлекается. Организовал кружок сомнительного чтения, пригласил в него с десятков женщин. Теперь встречаются дважды в неделю, в основном в моей квартире. Еще он осваивает губную гармошку, но, я подозреваю, только чтобы пугать кота. Ах да, и начал заниматься тайцзицюань.

– Тайцзицюань – неплохое занятие, – сказала Зои. – Хорошая гимнастика, вроде медитации.

– Только не для Марвина, – пробормотал Тейтум. Его дед выполнял упражнения так, как будто в него вселился дух Брюса Ли, отбивающегося от сотни злодеев с помощью нунчаков. – А ты когда-нибудь пробовала тайцзицюань?

– Нет, им когда-то занималась Андреа. Целый год делала упражнения по утрам.

– Как у нее дела?

– У нее все в порядке. Только мама, наверное, допекает.

Тейтум кивнул. На этом темы, не связанные с работой, закончились.

Он опасался, что Зои воспользуется паузой, чтобы начать обсуждение расследования. А ему хотелось избежать этого разговора. За неделю желание его напарницы поймать Гловера почти превратилось в одержимость. Прерываясь только на сон, она все время анализировала поведение убийцы, пытаясь предсказать его действия. Чем ближе становился день возвращения в Куантико, тем больше Зои впадала в отчаяние. Кроме того, разговоры об убийствах портили Тейтуму аппетит.

– Кстати, что ты думаешь о детективе О’Доннелл?

– Она внушает доверие. А вот я ей не нравлюсь, – произнесла Зои.

– Почему ты так считаешь? По-моему, она к тебе прислушивается.

– Она еле меня терпит. Постоянно перебивает и раздражается, если я высказываю свое мнение.

– Мне кажется, у нее просто такая манера общения. Со мной она ведет себя точно так же.

– Значит, по ее манере общения я и заключаю, что ей не нравлюсь. – Зои пожала плечами.

Тейтум уже придумал следующий вопрос, когда появился официант. Он принес не меньше дюжины тарелочек с закусками, при этом не пользуясь подносом и явно подвергая посетителей опасности: одно неверное движение – и для кого-то обед в милой закуской закончился бы миской дзадзики на голове. Чтобы расставить все на небольшом столике, Тейтуму весьма пригодились навыки игры в «Тетрис». Пока он искал место для очередной тарелки, официант оглашал название блюда.

– Тарамасалата, то есть икра трески. А это артишоки с картофелем и лимоном. Фаршированные виноградные листья с йогуртом...

Декламация продолжалась, пока стол не был заставлен полностью, затем официант удалился.

Зои выглядела обескураженной. Она всегда серьезно продумывала стратегию трапезы: что съесть сначала, что потом, и какие блюда можно комбинировать. Сейчас, по всей видимости, от бесчисленного количества возможностей Зои зависла.

Тейтум подцепил вилкой один из виноградных листьев и попробовал кусочек.

Он слышал, запахи могут вызвать воспоминания, но не

знал, что и вкусы тоже. На мгновение Грей перенесся в Уикенберг: он сидит за столом, мать снова учит его правильно держать нож и уже начинает раздражаться, а отец говорит ей «отстать от ребенка».

– Моя мама готовила такие же фаршированные листья, – сказал Тейтум, моментально набив себе рот.

Зои, видимо, справилась со своими логическими уравнениями и решительно обмакнула кусочек жареной цветной капусты в соус дзадзики.

– Я и не знала, что твоя мама гречанка.

– Вообще нет, просто ей нравилось пробовать новые рецепты. У нее в кухне стояла полка с десятками кулинарных книг. – Тейтум улыбнулся. – В них были потрясающие фотографии, и я любил разглядывать их, представляя блюда на вкус.

– Наверное, у твоей мамы все получалось вкусно.

– Не для подростка, – фыркнул Тейтум. – Пока мои друзья ели на ужин стейк с жареной картошкой, у нас подавалась утка по-пекински или фалафель. Иногда я умолял маму приготовить что-то нормальное – для разнообразия.

Зои насаживала на вилку ломтики томата и артишока с сосредоточенностью физика-ядерщика, работающего с ураном.

– У детей почти в три раза больше вкусовых рецепторов, чем у взрослых. Поэтому они по-другому ощущают вкусы и предпочитают блюда попроще.

– Неважно. – Тейтум улыбнулся. – Я просто хотел картошки фри.

Зои прикрыла глаза от удовольствия. Грей смотрел на нее, потягивая узо из стакана, и не мог отвести взгляд. Обычно Бентли выглядела опасным хищником, готовым наброситься в любую секунду. Зато с закрытыми глазами ее лицо стало невинным, словно у фарфоровой куколки.

– А как же у бабушки с дедушкой? – спросила Зои.

– О, там меня старались осчастливить. Картофельным пюре, ростбифами и гамбургерами. Зная, как я люблю ванильное мороженое, бабушка покупала его каждые выходные. Конечно же, я вел себя отвратительно и отплатил бабуле, заявив, что ее стряпня – отстой и мама готовит в сто раз лучше.

– Ты ведь переживал потерю родителей.

– Это не оправдание.

– Я и не собиралась искать оправдание. – Зои снова пожалала плечами. – Тебе не нужно мучиться чувством вины.

– Кто сказал, что я мучаюсь? – Голос Тейтума зазвучал зло и грубо. – А даже если и так, что с того?

Он схватил вилку. Заметив, что рука дрожит, вернул прибор на место и в смущении опустил руки на стол.

Зои посмотрела на него с удивлением. Потом вдруг накрыла его ладонь своей. От прикосновения ее теплой руки дрожь утихла.

– Попробуй артишоки. Они очень хороши.

Тейтум моргнул и уставился на тарелку. На ней лежал

одинокий кусочек артишока: должно быть, остальные Зои уже съела.

– Спасибо, я уже сыт.

– Попробуй обязательно, – повторила Бентли с нажимом. – Настроение сразу поднимется.

– Так и быть. – Он взял вилку и воткнул ее в артишок.

– Не забудь дзадзики. С ним еще вкуснее. – Зои показала на чашку с соусом, будто сомневалась, что Тейтум в состоянии понимать речь. – Просто обмакни.

Грей послушно окунул артишок в дзадзики и отправил его в рот.

– Неплохо!

Бентли немного расслабилась. Тейтум, через силу улыbnувшись, проглотил артишок, который и впрямь оказался неплох.

– Я говорила маме ужасные слова, когда была подростком, – проговорила Зои, подцепив вилкой кусок баклажана. – Папе – никогда. Только матери. Мы привыкли кричать друг на друга. Отец пропадал на работе, Андреа пряталась в своей комнате, а мы с мамой... – Она покачала головой.

– О чем вы спорили? – спросил Тейтум, машинально окунув в дзадзики кусок хлеба. Зои крайне редко говорила о родителях.

– Да обо всем. Об одежде, которую я носила, книгах, которые читала, передачах, которые смотрела, и почему я больше не выхожу из дома... И мама каждый раз начинала кри-

тиковать меня таким заботливым тоном... – Бентли стиснула вилку и прищурилась. – Брр, как вспомню теперь... «Зои, почему бы тебе не отложить книжку и не погулять с друзьями?»»

Последнюю фразу она произнесла высоким, слащавым, вкрадчивым тоном.

– Обычно родители хвалят детей за любовь к чтению.

– Думаю, она не одобряла мой выбор литературы. Биографии серийных убийц, книги по криминалистике... – Ее взгляд стал отрешенным. – И пара любовных романов.

– Правда?

Зои съела еще кусочек баклажана.

– Я все-таки была подростком, знаешь ли... Порой могла сказать гадость, только чтобы мать перестала обращаться со мной как со слабоумной. И тогда она злилась и вопила... – Зои взмахнула вилкой. – С этого все обычно и начиналось. Как же она меня бесила!

– Мне кажется, всех подростков раздражают их родители.

– Я не просто раздражалась. Я их винила. За Гловера. За то, что не поверили мне. Что оставили нас с Андреа одних в тот вечер.

Когда Гловер жил по соседству, Зои вычислила, что он и был мейнардским маньяком. Она говорила об этом полицейским и родителям, однако все от нее отмахнулись. А вскоре Гловер проник к ним в дом. Он гнал за ней, но Зои с сестрой заперлись в своей комнате. Гловер пытался взломать

дверь, пока соседка не вызвала полицию, а потом сбежал. Как эта психологическая травма повлияла на Зою, Тейтум мог только догадываться.

Бентли заговорила почти шепотом, и он наклонился к ней, чтобы расслышать:

– И я винила их за все, что случилось потом.

– А что случилось потом?

– Ничего. – Зою печально улыбнулась. – Гловер исчез. Несмотря на мои аргументы, убийцей его никто не считал. Полицейские уцепились за другую версию, подозревая другого. Они решили, что Гловер сбежал, потому что я его напугала. Поползли слухи. Городок-то маленький... И вот я стала умалишенной девочкой, оклеветавшей соседа. В школе от меня шарахались. Конечно, у меня осталась одна подруга. Хотя даже ей родители велели держаться от меня подальше.

Она прикусила губу, взгляд ее затуманился. У Тейтума сжалось сердце.

– Так или иначе, я во всем винила родителей, – проговорила Зою, на этот раз намного громче, и покачала головой. – Такой уж трудный возраст, да?

– Да, – глухо отозвался Грей, – трудный.

– Знаешь, что я думаю? – спросила вдруг Бентли.

– Что?

– Что не откажусь от десерта.

Глава 10

Обратной стороной выдержки было постоянно растущее напряжение. Он это хорошо знал. Понятие «выйти из себя» совершенно не отражает суть вещей. Ты сам никуда не выходишь, как река из берегов. Наоборот, самообладание, выпестованное с таким тщанием, не выдерживает гнета и разрушается внутри тебя в один миг. Люди как ходячие скороварки: если иногда не выпускают пар, в конце концов взорвутся.

Владеющий собой человек обычно выпускал пар во сне. Сейчас такой возможности у него не было. И пришлось признать, что таблетки помогли ему справляться с растущим внутри напряжением. Хотя они вредны или даже опасны, с решением спустить их в канализацию он, похоже, поспешил.

Владеющий собой человек чувствовал, что может взорваться. Когда он разговаривал с людьми, кожу покалывало, и иногда казалось, что еще секунда – и он сорвется на крик, зарыдает или начнет рвать на себе волосы. Видно ли это со стороны? Не слишком ли сильно он стиснул зубы? Не побагровело ли лицо?

Так продолжаться не может. Нужно найти способ снять напряжение. А ведь самое простое решение – прямо под носом. Спокойствие возвращалось к нему, стоило только выпить крови Кэтрин. Ведь в холодильнике стоят еще несколько пузырьков?

Они предназначены не ему, но ситуация стала чрезвычайной.

Он бросился в кухню мимо комнаты для гостей. Говорить с Дэниелом сейчас, когда вот-вот грянет взрыв, он не мог. Сначала кровь.

Он дернул дверцу холодильника, едва не сорвав ее, – и замер. Внутри, в ярком свете, стоял всего один флакон. Как же так?

Воспоминания словно проступили из тумана. Он сам осушил четыре флакона за день. В памяти сохранились ощущения: руки дрожат, откручивая крышку, потом три торопливых глотка и ни с чем не сравнимый солоноватый металлический привкус. Как он мог забыть?

Он потянулся было к последнему пузырьку – и застыл. Этот флакон предназначался не ему.

Может, поговорить с Дэниелом и сказать, что нужно больше крови? Он тут же представил разочарованное лицо друга. Дэниел спросит, как он умудрился так быстро прикончить запасы. Что тогда ответить?

Нужно раздобыть крови самому. Он надел пальто и вышел из дома. Предупредить Дэниела не стал: тот уже привык к его спонтанным вылазкам.

Шагнув за порог, он почувствовал себя еще хуже. Дома он на своей территории. На улице же – беззащитен.

Здания тарасили на него свои квадратные желтые глаза. Там, за окнами, могут стоять соседи. Они поймут, что

с ним что-то не так, – они уже наверняка подмечали его странное поведение. Он поборол желание повернуть назад, в свое укрытие, и зашагал по улице так быстро, как только мог. Между человеком-который-спешит-по-делам и человеком-который-бежит-без-оглядки разница очень невелика. Он не хотел давать соглядатаям и малейшего повода для подозрений.

Сначала заметил только прохожего, который выгуливал грозного вида собаку. Но ближе к торговому центру улицы заполнились людьми. Его ноздри раздувались. Он уловил аромат.

Кровь.

В каждом из этих незнакомцев около пяти литров крови. От таких чисел у него закружилась голова. Он представил себе десять пивных бутылок, полных крови. Это, конечно, неосуществимо. Он не смог бы извлечь всю кровь из тела. Сейчас ему требовалось лишь немного, чтобы продержаться пару дней.

Мимо него прошла щедро надушенная женщина. Она пыталась приглушить запах своей крови, как ей велели инстинкты, которым миллионы лет. Но его не провести, он легко учуял аромат добычи. Однажды узнав, как пахнет кровь, уже не забудешь. Он ощущал этот запах повсюду.

Владеющий собой человек незаметно следовал за женщиной. Ее каблуки звонко цокали по тротуару. Минут пять он следил за ней, держась поодаль, и его рот наполнился

слуной. Она вдруг обернулась. Неужели заметила? Он запаниковал и застыл на месте, проводив уходящую женщину взглядом.

Охваченный злостью, пошел назад и чуть не свернул к дому, но потом взял себя в руки.

Неподалеку прогуливались две девочки, не старше четырнадцати лет. Они весело болтали, и их аромат отчетливо выделялся на фоне общего зловония.

Они пахли несравненно лучше, свежее, нежнее.

В день ему хватит всего пары капель крови такой чистоты.

* * *

Кэти жалела о съеденном шоколадном торте. Мел, конечно, тоже съела кусочек – с ее-то фигурой она могла себе позволить сладости хоть каждый день. А вот Кэти не так повезло. Каждое пирожное давало о себе знать.

Кроме того, этот шоколадный торт явно не стоил таких жертв. Приторно сладкий и к тому же суховатый... теперь Кэти чувствовала тошноту.

Мел без умолку трещала о том, какой милый официант обслуживал их столик. Кэти кивала и хихикала в нужных местах, но все силы уходили на то, чтобы удержать торт в желудке.

– Давай посмотрим комментарии к нашей фотке.

Мел достала смартфон. Для ее «Инстаграма» они сделали

селфи с тортом на заднем плане. На фотографии тот смотрелся неплохо, особенно после фильтра под названием «Людви́г». Мел применяла его на всех снимках. Из названия фильтра она даже сделала глагол: «Я немножко людвигнула» или: «Давай людвигнем».

– Двадцать семь «лайков», – удовлетворенно изрекла Мел. – И Пэт написала, что завидует, хотя я звала ее с нами, а она сказала, что на улице слишком холодно.

Кэти взглянула на экран телефона через плечо Мел, ругая себя за то, что согласилась на совместное фото. На фоне подруги все недостатки Кэти становились очевидны: странная форма ушей, пухлые щеки, крупные передние зубы. Мел на фотографиях всегда выглядела идеально, с «Людви́гом» или без. Увы, ни одному «Людви́гу» в мире не под силу сделать Кэти такой же красивой...

Пока Мел набирала ответный комментарий, Кэти отвлеклась. Вокруг почти не видно прохожих – за исключением того, который шел сзади. Кажется, он уже давно следует за ними по пятам... Она напрягла память: когда появился звук его шагов за спиной? Затем как бы невзначай обернулась, и их глаза встретились.

Кэти тут же отвела взгляд, сердце ее бешено стучало. Мужчина казался каким-то... ненормальным. Походка, движения, выражение лица – все в нем выглядело странным.

- Смотри, – рассмеялась Мел, – теперь она пишет, что...
- Кажется, парень сзади следит за нами, – прошептала

Кэти. Тот держался метрах в десяти – мог ли он ее услышать?

Мел быстро обернулась.

– Ты что! – зашипела на нее Кэти.

– Он просто гуляет, – отмахнулась Мел. – Это же улица, Кэти. Тут людям гулять не запрещено.

Теперь они шли в напряженном молчании. По этой улочке машины проезжали редко. Он ускорил шаг? Да, точно пошел быстрее. Скоро догонит их. Вокруг ни души. Неужели так поздно?

Мел схватила Кэти за руку. Она попыталась выдавить из себя улыбку, но глаза, округлившись от страха, и дрожащие губы выдавали ее с головой. Они, не сговариваясь, перешли на торопливый шаг. Кэти не смела оглянуться, слыша его шаги и даже дыхание. Тяжелое, прерывистое, странное.

Они уже пустились бежать, когда Мел обернулась и испуганно вскрикнула. Кэти чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Она хватала ртом холодный ночной воздух, обжигавший легкие.

Через дорогу показалась аптека Бадди. Кэти дернула Мел за руку и потащила подругу за собой через парковку. Стеклопанная дверь оказалась, к счастью, открытой. Вбежав в аптеку, Кэти захлопнула дверь и посмотрела наружу сквозь стекло. Оно тут же запотело от ее дыхания.

– Эй, что с вами такое? – недовольно спросил Бадди из-за кассы. – Вы мне дверь хотите разбить?

Мел зарыдала, по ее джинсам растеклось мокрое пятно.

Кэти протерла стекло рукавом и оглядела темную улицу. Там никого не было.

* * *

Он шагал к дому, опустив голову. Кровь стучала в висках. Его охватило смятение, сосредоточиться не удавалось. Воображение рисовало ему тех двух девочек, как он подходит к ним все ближе и ближе... Он сжал кулаки. Жажда грызла его изнутри, затуманивала разум, делала движения порывистыми и беспорядочными. Нужно вернуться домой и взять себя в руки...

Навстречу шла женщина с младенцем на руках. От ребенка исходил сладкий, словно нектар, запах. Все мысли разом улетучились. Младенец не сможет дать отпор или спастись бегством. Достаточно только подойти, выхватить ребенка и укрыться в каком-нибудь тихом проулке. Несколько минут наедине с младенцем – и станет легче.

Женщина прошла на расстоянии вытянутой руки, и он почти решился на отчаянный рывок.

Почти.

Он заставил себя остановиться и подумать. Женщина будет сопротивляться. Опишет полиции его внешность. Он живет неподалеку. Найти его не составит труда.

Он проводил взглядом незнакомку, растаявшую во тьме. Что с ним происходит? Ведь у него все должно быть под кон-

тролем.

Нужно идти домой и поговорить с Дэниелом. Тот наверняка подскажет, что делать.

Только вот в какую сторону идти? Он растерялся: все вокруг выглядело пугающим и незнакомым. Его охватила паника, дыхание стало частым и поверхностным, голова закружилась. Из рта чуть не вырвался вопль ужаса. Но тут мимо промчалась, громко сигналив, машина. Он моргнул, и улица перестала расплываться перед глазами, словно в глазах навели резкость. Ну конечно, он знает путь. До дома рукой подать.

Тут его взгляд упал на хорошо знакомый магазин через дорогу. Раньше он мог, словно под гипнозом, часами неподвижно стоять перед витриной.

С правой стороны был выставлен большой аквариум, полный рыбок с поблескивающими спинками. Голубая подсветка аквариума выхватывала из темноты несколько клеток, стоявших левее. В одной из них была пара кроликов, в другой – семейство хомяков, а в самой большой – четыре щенка лабрадора.

Однажды он заходил в магазин, собираясь купить двух или трех щенков, а когда к нему обратилась девушка-продавец, струсил и поспешно ретировался. Но сейчас за прилавком никого...

Внутри темно, голубой свет от аквариума не в счет. Со стороны переуллка в магазине было окно, достаточно боль-

шое, чтобы в него мог пролезть взрослый мужчина. Стекло можно разбить кирпичом, звон вряд ли кто-то услышит из-за гула машин...

* * *

Он как раз принялся за уборку, когда в его комнату вошел Дэниел.

– Это еще что за дела?! – воскликнул он, округлив глаза. Владеющий собой человек поднял руки в успокаивающем жесте:

– Просто хомяки.

На лице Дэниела появилась гримаса отвращения.

– Хомяки? – Он обвел взглядом ведро с мыльной водой, пятна крови на полу, грязный нож и разделочную доску, кусочки шкурок и костей. – Что ты натворил?

– Мне нужно было немного крови... ну, для здоровья. Пустяки.

– Где ты достал хомяков среди ночи? Круглосуточная хомячья доставка?

– Я влез в зоомагазин. – Голос лишний раз подтверждал, что он владеет собой. – Вынести клетку не составило труда.

– Где? – Дэниел вдруг побледнел. – Где ты их взял?

– В зоомагазине неподалеку.

Дэниел ударил ладонью по двери, и владеющий собой человек вздрогнул. Он впервые видел друга в гневе. Обычно

тот был обходителен и весел, что не могло не вызывать симпатии. Не сказав ни слова, Дэниел развернулся и вышел из комнаты.

Владеющий собой человек решил позволить тому остыть и сосредоточился на уборке. Когда закончил, в ведре плавали грязно-розовые клочки шерсти. Он отнес нож и разделочную доску в кухню и стал отмывать их в раковине. Дэниел подошел и остановился поодаль, наблюдая.

– Послушай, – голос его звучал вкрадчиво, – твои выходы могут выйти боком. Нас ищет полиция. Нельзя просто взять и вломиться в магазин, да еще рядом с домом!

– Мне пришлось, – начал он оправдываться, – мне ведь нужно...

– Знаю я, что тебе нужно. Я тебя понимаю. А ты должен понять, что ты не один. Ты ведь сам меня нашел. Теперь мы заодно, не забывай.

– Я помню, но мне требовалась кровь, и немедленно... Это же всего пара хомяков. Что тут такого?

Дэниел, казалось, обдумывал его слова, а потом опустил голову и произнес:

– Вся эта история с Кэтрин тебя подкосила. В общем... мне очень жаль. Не нужно тебе рисковать из-за меня. Лучше мне уйти.

– Нет! Ничего подобного! – Его охватил ужас. – Ты не можешь меня бросить! Я в порядке... в полном!

– А вот и нет. Я прекрасно понимаю, каково тебе. Поли-

ция, расследование – это огромное давление. Неудивительно, что ты себя не контролируешь.

– Такого больше не повторится! Клянусь!

– Да уж...

– Я совершил всего одну глупость. Если меня снова накроет, я сразу приду к тебе.

Наступила тишина. Он закончил мыть нож и дрожащими руками положил его на стол.

– Мы снова выйдем на охоту, – заявил Дэниел. – Мне это нужно не меньше твоего.

– Когда? – Его накрыла волна облегчения.

– Скоро. Я хочу, чтобы ты завтра купил кое-что по дороге домой.

– Что именно?

– Белую краску и нож. И еще несколько свечей.

– Для чего? – Владеющий собой человек растерялся. Об этом они никогда еще не говорили.

– Пригодится. Сможешь купить?

– Да, только...

– Вот и отлично, – Дэниел пристально посмотрел на него; казалось, он принял какое-то решение. – Завтра вечером отправляемся на охоту.

Глава 11

Понедельник, 17 октября 2016 года

Холли О’Доннелл решила утром не заезжать в участок. С тех пор, как обнаружили тело Кэтрин Лэм, прошло сорок восемь часов, а это число для капитана Ройса Брайта было почти мистическим. Если убийство спустя сорок восемь часов оставалось нераскрытым, он вызывал детективов на совещание. Оно могло растянуться часа на два, превращая ужасные сорок восемь в пятьдесят, и обычно представляло собой беспорядочную череду ценных указаний, угроз и баек о делах давно минувших дней.

О’Доннелл сможет работать и без этого. Вечно избегать капитана не получится, но она надеялась получить хорошую зацепку, прежде чем ее загонят в угол. И такую зацепку, похоже, мог дать Патрик Карпендер.

Когда она вошла в холл больницы «Маунт Синай», там уже ждали агент Грей и Зои Бентли. Сверилась с часами – пять минут девятого. Надо отдать должное федералам: они пунктуальны.

– Извините за опоздание, – сказала Холли, приблизившись. – Пробки.

– Не страшно, – ответил Тейтум. – Это Патрик Карпентер просил здесь встретиться?

– Тут его жена, – О’Доннелл пошла к лифтам. – Он просил встретиться здесь, чтобы не оставлять ее надолго одну. Думаю, теперь он охотнее пойдет на контакт.

Скорее всего, Карпентер не рассказал жене об убийстве, чтобы не расстраивать ее. Значит, захочет отделаться от них как можно быстрее, а лучший способ для этого – ответить на все вопросы. И в процессе, если повезет, всплывут несколько имен.

– Он охотно делился информацией по телефону? – спросила Зои.

– Да, пока я не начала спрашивать о прихожанах. – О’Доннелл вошла в лифт, остальные последовали за ней. – Тогда он стал намекать на вторжение в личную жизнь и утрату доверия. Надеюсь, ваши модные значки сделают его стоворчивее.

Двери лифта открылись в длинный коридор, пост медсестер находился справа. Пухлая медсестра с большой родинкой на подбородке усердно скрепляла что-то степлером.

– Где мы можем найти палату миссис Карпентер? – обратилась к ней О’Доннелл.

Медсестра не подняла головы. Засунув в степлер несколько листов, она хлопнула по нему рукой, как будто хотела раздавить муху. Осмотрев результат, одобрительно кивнула.

– Вы родственники?

– Нам нужно поговорить с ее мужем. – О’Доннелл показала значок.

Медсестру он не впечатлил. Она взяла следующую пачку листов и положила на стойку. Холли вздрогнула, когда мясистая рука опустилась на степлер. Это было издевательство над канцелярскими принадлежностями; жаль, за это нельзя арестовать.

– Палата триста девять. – Медсестра начала складывать очередную стопку бумаги.

О’Доннелл поспешила удалиться, а ей вслед раздался еще один оглушительный хлопок.

Дверь в палату была приоткрыта, но детектив из вежливости постучала.

– Войдите! – ответил веселый женский голос.

– Миссис Карпентер? – О’Доннелл заглянула в комнату. – Здравствуйте. Мы надеялись застать вашего мужа...

– О, Патрик придет с минуты на минуту, – ответила женщина. – Пожалуйста, входите.

– Мы можем подождать в коридоре, – смутилась О’Доннелл.

– Ерунда! В коридоре нет стульев, а у меня тут много печеня. Прошу, входите, я настаиваю.

Все трое вошли в палату и расселись на стульях у койки миссис Карпентер.

Ярко-зеленая рубашка еле прикрывала огромный живот розовощекой беременной женщины с гладкими темными во-

лосами. Миссис Карпентер лежала, накрыв ноги больничным одеялом, и когда вошли посетители, она отложила книгу «Молитвы за будущего ребенка» и, тепло улыбнувшись, спросила:

– Вы работаете на приход?

– Не на постоянной основе. – О’Доннелл тщательно подбирала слова. – У нас дело к некоторым прихожанам.

– Я думаю, это замечательно. – Миссис Карпентер явно не поняла, о каком деле идет речь. Очевидно, догадка О’Доннелл была верна и Патрик ничего не сказал жене о Кэтрин.

– Меня зовут Леонор.

– А меня – Холли, – после нерешительного молчания ответила О’Доннелл. – А это Тейтум и Зои. Приятно познакомиться. Вы знаете, когда приедет ваш муж?

– Он уже в пути; это из-за меня он задерживается. Я попросила привезти мне вещи из дома, – ответила Леонор. – Я тут уже неделю; можете представить, сколько раз Патрик мотался туда-сюда ради меня... Еще я отправляла его и к моим родителям, чтобы мама постирала белье. О таком муже, как Патрик, можно только мечтать, и все же стирка ему не под силу, я уж молчу о глажке...

– Он очень заботливый, – поддакнул Тейтум.

– Так и есть. Он очень старается для меня. Наверное, уже посмотреть не может на мои длинные списки поручений... Вы только представьте, каково провести целую неделю на больничной койке, с которой даже встать не можешь без при-

смотря! Чтобы не чувствовать себя ущербной, мне нужна хотя бы нормальная одежда. Я бы поехала домой, а Патрик настоял, чтобы я оставалась тут под наблюдением врачей. Вы же знаете, какими паникерами могут быть мужчины... По крайней мере, у меня есть книги. Не будь их, я бы пересчитывала плитки на полу... – Она перешла на шепот. – Их пятьдесят две.

Очевидно, Леонор любила поболтать, и, просидев неделю в этой палате наедине с собой, она отчаянно жаждала компании. Неудивительно, что миссис Карпентер не позволила им выйти в коридор. Тем не менее О’Доннелл никак не могла взять в толк, зачем этой женщине понадобились люди. Разговор сводился к монологу, и троих собеседников без труда заменили бы горшки с цветами. Теперь Леонор рассказывала о беременности. О’Доннелл слушала вполуха.

– ...наша четвертая беременность. Первые три закончились ранними выкидышами. – Ее голос слегка дрожал. – А в этот раз все, казалось, идет хорошо! Господь вознаграждает чистые и бескорыстные души, и мы так старались! На прошлой неделе у меня пошла кровь, и я в ужасе подумала, что потеряла ребенка. Но когда мы добрались до больницы, я почувствовала, как он толкается. Я так обрадовалась! Правда, мне сказали, что нужно на какое-то время остаться. Сначала я думала, это на несколько часов...

Позади О’Доннелл кто-то вежливо кашлянул, и она обернулась. В дверях стоял мужчина с объемной спортивной сум-

кой на плече; в руках он держал большой пластиковый стакан. Патрик был чисто выбрит и одет в белую рубашку и черные брюки. Однако его темные волосы растрепались, а глаза опухли и покраснели.

– Привет, – сказал он и сжал челюсти.

– Я сказала твоим коллегам, что они могут составить мне компанию, – отозвалась Леонор.

Услышав про коллег, мужчина расслабился. Видимо, опасался, что они представят его жене полицейскими или – того хуже – расскажут ей о Кэтрин.

– Хорошо. – Он натянуто улыбнулся. – Я привез книги, которые ты просила, и новый тюбик зубной пасты. Надеюсь, одежду я положил какую нужно.

– В этом я не сомневаюсь. – Леонор слегка повернулась, будто собираясь встать.

Через секунду Патрик оказался рядом и не дал ей подняться с койки. Поцеловав жену в лоб, вручил ей пластиковый стакан.

– Вот смузи, – мягко сказал он.

– Чтобы мне и жевать не пришлось, да? – Леонор усмехнулась. – Каждый день одно и то же...

Она сделала маленький глоток через трубочку и поморщилась.

– Во время беременности вкусы так странно меняются, верно? – улыбнулась детективу.

– Да, я помню, – подтвердила та. – Я, к примеру, на слад-

кий перец даже смотреть не могла. Хотя до беременности очень любила.

– Не возражаете, если мы поговорим снаружи? – Патрик повернулся к ней.

– Конечно. Рада знакомству, – попрощалась О’Доннелл с Леонор.

В коридоре Патрик отвел их в укромный уголок, затем посмотрел на каждого по очереди и спросил:

– Вы продвинулись в поисках того... – он моргнул и отвернулся, – кто сотворил такое с Кэтрин?

– Мы работаем над парой гипотез, – ответила О’Доннелл. – Мистер Карпентер, это агент Грей и его напарница Зои Бентли, они из ФБР.

– Из ФБР? – Патрик выглядел растерянно. – Почему дело Кэтрин расследует ФБР?

– Мы хотим, чтобы вы прояснили для нас некоторые детали, – О’Доннелл проигнорировала его вопрос.

– Какие детали?

– Не могли бы вы еще раз описать ваш последний разговор с Кэтрин? – Они уже обсуждали это раньше по телефону, но Холли хотелось увидеть выражение его лица.

– Конечно. Так... это было три дня назад, около полудня. Кэтрин позвонила мне и сказала, что больна и в церковь не придет. Спрашивала, смогу ли я подменить ее и встретиться с прихожанами, которые ждали беседы с наставником.

Это соответствовало списку звонков, сделанных с телефо-

на Кэтрин.

– Вы часто подменяли друг друга? – продолжила О’Доннелл.

– Не слишком часто, но такое бывало. Иногда кому-то нужна срочная консультация, а один из нас нездоров.

– В тот день тоже была назначена срочная консультация?

– Не думаю. Кэтрин просто хотела, чтобы я поработал вместо нее.

– И что вы ответили?

– Я согласился, но потом у жены началось кровотечение, – взгляд Патрика скользил по коридору, – и все вылетело из головы. Позже я вспомнил об этом, позвонил Кэтрин, но она не отвечала.

– И вы оставались тут?

– Да, почти весь вечер. Один раз отлучился, чтобы привезти жене кое-что из вещей. И ушел, только когда она уснула.

– Во сколько?

– Не помню... Вероятно, около полуночи.

– Вы можете назвать имена тех, с кем Кэтрин планировала встретиться в тот день?

– Нет. Это конфиденциально.

– У кого-либо из прихожан есть криминальное прошлое? – О’Доннелл подняла бровь.

– Я не намерен обсуждать личную жизнь прихожан. – Патрик говорил сквозь зубы. – Я не могу потерять их доверие,

откровенничая с вами.

– Откровенничать не нужно. Меня устроит список имен.

– Ни при каких обстоятельствах.

– Мы расследуем убийство, мистер Карпентер.

– Вот именно. Никто из людей, которым мы помогали, никогда не навредил бы Кэтрин. Я готов поручиться за каждого. Вы напрасно тратите время, преследуя тех, кто изо всех сил старается оставить прошлое позади. Почему бы вам вместо этого не заняться поисками настоящего преступника?

– Что вы имели в виду под готовностью поручиться? – кашлянув, вступила в разговор Зои.

– Я хорошо знаю этих людей, – Патрик нахмурился. – Я часами беседовал с ними, молился с ними. Они делают все возможное, чтобы исправиться.

– Как они исправляются?

– Они приняли Бога. Стараются быть лучше. Они...

– Кто-нибудь из прихожан ранее привлекался за сексуальное насилие? – перебила его Зои.

Патрик заморгал от неожиданности.

– Даже если так, они вернули свой долг обществу. Покаялись и просили о прощении. Они...

– Перед убийством Кэтрин изнасиловали, – снова перебила Зои. – Тот, кто ее убил, проделывал это и раньше. Если среди прихожан есть насильники, нам нужно об этом знать. Они могут сколько угодно молить о прощении, но насильники-рецидивисты не меняются.

– Измениться может каждый, – возразил Патрик.

– Они могут затаиться из страха наказания. – Зои пожалала плечами. – И при этом по-прежнему желать совершить насилие.

– Не хочу больше это обсуждать. – Патрик скрестил руки на груди.

– Мистер Карпентер, – обратился к нему Тейтум, – распространено заблуждение, что работа полиции – только искать виновных.

– А разве не так? – Патрик посмотрел на агента.

– Так. Однако при этом полицейские должны убедиться, что пойманного преступника признает виновным и суд, – продолжил Грей. – Вот вы говорите, что готовы поручиться за любого из вашей церкви. Предположим, что я вам доверился. Но когда мы поймаем убийцу и посадим перед судьей и присяжными, как вы думаете, что скажет его адвокат?

Патрик молчал. Секунду помедлив, Тейтум сам ответил на свой вопрос:

– Он скажет: «Мой клиент невиновен, и я знаю, кто преступник. Это один из бывших уголовников, с которыми Кэтрин Лэм проводила консультации. Полицейские даже не удосужились их опросить. Они сразу же принялись преследовать моего подзащитного!»

– Адвокат выстроит на этом всю линию защиты, – поддержала О’Доннелл. – А убийца останется на свободе.

Патрик помедлил, а потом проговорил:

– Я хочу обсудить это с пастором Лэмом. Мы вместе решим, что вам рассказать.

– Хорошо. – О’Доннелл кивнула. Начало положено.

– И еще один вопрос. – Зои передала Патрику свой телефон. – Вы знаете этого человека?

Он уставился на экран, широко распахнув глаза. Холли взглянула на фотографию мужчины, обнимавшего за плечи девушку. Ее сходство с Зои бросалось в глаза.

– Вам знаком этот человек, мистер Карпентер? – повторила О’Доннелл, не дождавшись реакции. Впрочем, она поняла, каков будет ответ, как только Патрик взглянул на снимок.

– Да, – отозвался он, – это Дэниел Мур.

Детектив почти физически ощутила всплеск энергии, накрывший их с Зои и Тейтумом.

– Он один из прихожан? – спросил Грей.

– Был, – подтвердил Патрик, – но ушел пару месяцев назад.

– У вас есть его номер телефона? Или другие координаты? Нам очень нужно с ним поговорить.

– Нет, он не оставил свой номер.

– Он сблизился с кем-то из прихожан? У него есть друзья?

– Не знаю. А в чем дело?

– Настоящее имя Дэниела Мура – Род Гловер. – Зоихватила телефон из рук Патрика. – Он разыскивается за изнасилование и убийство пяти женщин. Он тоже покаялся и просил о прощении, мистер Карпентер? Он тоже принял Бо-

га?

– Вы ошибаетесь. Дэниел – хороший человек...

– Это вы ошибаетесь. Он – садист и убийца. А еще – очень хороший лжец.

Глава 12

Зои едва замечала, что происходит вокруг. Повсюду клубился мерцающий туман, делая предметы почти нематериальными, приглушая голоса.

В голове бушевало пламя. Мысли, идеи, теории с бешеной скоростью сменяли друг друга. Полностью сосредоточившись на этом вихре, она не обращала никакого внимания на Грея и О’Доннелл, даже если те пытались с ней заговорить.

Теперь Зои была уверена: Род Гловер здесь. В Чикаго. И он – один из убийц Кэтрин Лэм. Тот, кого она назвала альфой.

Это могло оказаться чудовищным совпадением, но такую возможность Бентли отмела. Почерк убийцы и психологический портрет указывали на Гловера. Тот факт, что он определенно знал жертву, лишь добавлял Зои уверенности.

Она уставилась в окно автомобиля, смутно представляя себе, куда они едут. Вдруг рот ее наполнился горечью. Сердце бешено колотилось. Что это, страх? Или азарт? Возможно, всего понемногу. Она так долго искала мейнардского маньяка – и наконец подобралась к нему так близко... Она сможет его поймать. Он перестанет убивать, и Андреа будет в безопасности.

Тейтум заглушил двигатель и вышел. Зои, поглощенная

размышлениями, продолжала смотреть перед собой. Вдруг резкий стук заставил ее очнуться: в окно нетерпеливо барабанил Тейтум. Бентли открыла дверь машины и попыталась выйти, но что-то резко дернуло ее назад. Ах да, ремень... Отстегнув его, Зои выбралась из машины и последовала за Тейтумом в заведение под названием... «Рогатый заяц»?!

– Где это мы? – удивилась она.

– О, с возвращением! – съехидничал тот. – Это кафе «Рогатый заяц». Я говорил, что мы едем сюда. Дважды.

– А зачем мы здесь? – Зои вошла в кафе вслед за Тейтумом.

Интерьер «Рогатого зайца» напоминал взрыв ярких красок, стены были сплошь покрыты картинами в стиле поп-арт. Кое-где между ними обнаружались и головы зайцев с оленьими рогами – вероятно, те самые мифические джекалопы.

– О’Доннелл сказала, это хорошее место, где можно поговорить, и к полицейскому участку близко, помнишь? Мы спросили тебя, есть ли возражения, а ты в ответ только пялилась на нас, и по подбородку у тебя стекала слюна.

– Не было никакой слюны!

– Была, я даже посоветовал тебе умыться.

– Не придумывай!

О’Доннелл ждала их за столиком. Тейтум подошел к барной стойке и попросил чашку кофе.

– Что тебе заказать? – обратился он к Зои.

– Не знаю. – Ее тон выдавал нетерпение. – Кофе, пожалуй.

Грей сразу расплатился, и они сели напротив О’Доннелл.

– В общем, – начала та, – этот ваш Род Гловер определенно знал Кэтрин Лэм. Похоже, один из убийц все-таки он.

– Не просто похоже, а так оно и есть, – уточнила Зои. – Он ее знал. Должно быть, заикнулся на ней, или же его напарник на ней помешался, а Гловер просто использовал его одержимость. Мне нужно все обдумать. Второй преступник ее, скорее всего, тоже знал... нет, он точно ее знал, из-за той цепочки. Гловера это не заботило бы – он забирал украшения как трофеи всего один раз, поэтому не надел бы цепочку на шею жертвы, это сделал второй, неизвестный бета, так что...

– Зои, – прервал ее Тейтум, – нам нужен нормальный разговор.

– Это и есть разговор.

– Нет. Это поток сознания.

О’Доннелл явно веселила эта сцена. Тут бариста объявил, что ее заказ готов.

Пока Холли забирала заказ, Зои пыталась оформить свои мысли в связные предложения. Сообщник Гловера ходил в ту же церковь. Там они и познакомились? Гловер религиозен? Она вспомнила, что в детстве раз или два видела его на воскресной службе, но он не производил подобного впечатления...

– Твой кофе остывает, – заметил Тейтум.

– Ой! – Бенгли искренне удивилась, увидев перед собой

чашку. Сделала глоток – кофе оказался неплох.

– Я рассказывал детективу О’Доннелл о твоей сестре.

– А что с моей сестрой?

– Увидела ее на фотографии с Гловером, – пояснила детектив, – и удивилась.

– Верно. – Зои кивнула. – Это потому что Гловер... А что вы пьете?

– Горячий шоколад, – сказала О’Доннелл, прихлебывая.

Бентли не могла оторвать глаз от ее чашки. Шоколад венчала шапочка взбитых сливок, присыпанная какао. Теперь кофе показался Зои безвкусным. Теперь она заметила, что О’Доннелл заказала еще и сэндвич... Ох, как кушать-то, оказывается, хочется!

– Я сейчас вернусь! – выпалила она и пошла к барной стойке. Там выбрала горячий шоколад и сэндвич под названием «Кентавр». В ожидании заказа пыталась собраться с мыслями, то и дело поглядывая на Тейтума и О’Доннелл. Они склонились друг к другу над столом, и Тейтум что-то рассказывал вполголоса. Наверное, о прошлом Гловера. И о том, как тот связан с Зои.

Через пару минут бариста вручил Бентли горячий шоколад и сэндвич. Она вернулась за столик и отпила из чашки. Благодаря сладкому бархатистому вкусу шоколада мир вокруг проступил отчетливее и хаос в голове Зои начал упорядочиваться. Напиток приятно согревал горло.

– Я думаю, оба убийцы знали Кэтрин Лэм, – проговорила

она. – Ясно, что одним из них был Гловер, но явно не он пил кровь жертвы, не он накрыл ее одеялом, не он надел ей на шею цепочку. Все это сделал второй. Можно пока называть его бетой.

– Эти умозаключения верны, только если Гловер действительно убил Кэтрин Лэм, – заметила О’Доннелл.

Зои попробовала сэндвич. Кентавр подозрительно напоминал по вкусу индейку.

– Детектив, наступает момент, когда нужно сосредоточиться на конкретном подозреваемом. Я не буду учить вас, как вести...

– Я лишь напоминаю, что окончательные выводы делать рано. – О’Доннелл нахмурилась и слегка склонила голову.

Зои бросила быстрый взгляд на Тейтума, многозначительно подняв брови: заметил ли он этот жест? Напарник не отреагировал.

– Вероятно, Гловер встретил сообщника в церкви, – продолжала Зои.

– Либо он знал бету раньше, и тот привел его в церковь, – предположил Грей.

О’Доннелл допила свой шоколад.

– Итак, Род Гловер вернулся в Чикаго из Дейла несколько недель назад. Насколько я поняла, он был ранен и к тому же смертельно болен – значит, нуждался в убежище.

– И нашел друга, который поспешил помочь, – добавил Тейтум.

– Гловер вполне мог у него поселиться. – Зои выловила ложкой взбитые сливки, оставшиеся на горячем шоколаде. – Совершенно очевидно, зачем он вернулся в Чикаго. Здесь он чувствует себя в безопасности. Последние десять лет Гловер здесь обжился. Теперь же, когда он потерял работу и оказался при смерти, приехал сюда за дружеской поддержкой.

Зои лизнула ложку, но, поймав хмурый, осуждающий взгляд О’Доннелл, остановилась.

– Вероятно, он проходит лечение от рака, – задумчиво проговорила Холли. – Мы можем получить ордер и сделать запросы в местные клиники, числится ли у них пациент по имени Род Гловер или Дэниел Мур.

– Мы уже пробовали, – отозвался Тейтум. – Искали его в больничных записях – ничего. Еще показывали его фотографию персоналу, но в Чикаго более десяти тысяч больных раком – это все равно что искать иголку в стоге сена. Не говоря уже о том, что врачи не горят желанием разглашать сведения о пациентах. Один аналитик в Куантико все еще занят изучением больничных документов.

О’Доннелл задумчиво кивнула.

– Если он живет здесь уже десять лет, это может сыграть нам на руку. Мы могли бы разместить его фотографию в СМИ. Вдруг его кто-то видел. Или один из так называемых друзей объявится.

– Это идея, – медленно проговорила Зои, обдумывая предложение. – Даже если его никто не выдаст, Гловер за-

дергается и допустит ошибку.

– А что, если шумиха в прессе заставит его снова пойти на убийство? – высказался Тейтум.

– Маловероятно. Гловер никогда не проявлял таких наклонностей, – возразила Зои. – Славы он не ищет.

– Я отправлю его фото в СМИ, – решила О’Доннелл. – Также поговорю еще раз с Патриком Карпендером и Альбертом Лэмом. Посмотрим, смогут ли они рассказать мне что-то о Дэниеле Муре или его возможных приятелях. А что со вторым сообщником? С этим бетой?

– Вполне вероятно, у него есть судимость за мелкие преступления вроде кражи или домогательства, – сказала Зои. – Он мог красть странные вещи – например, женское белье, туфли или косметику...

– Это называется кража фетиша, – согласился Тейтум.

– Гловер никогда не свяжется с тем, кто может его выдать или навлечь подозрения. Поэтому сообщник – не сумасшедший и не наркоман. Скорее всего, у него есть какой-то источник дохода, что Гловеру тоже выгодно.

– Я-то надеялась на более точную ориентировку... – О’Доннелл подняла бровь. – В объявлениях по телевизору вы обычно говорите так: «Белый мужчина около двадцати пяти, худощавый, хромотает и, возможно, заикается...»

– Не понимаю, почему наш преступник должен хромотать и заикаться... – Зои задумалась.

– Мы будем уточнять описание, – заверил Тейтум, – и как

можно скорее, пока они не убили снова.

– Снова? – удивилась О’Доннелл. – Думаете, они могут напасть на другую жертву?

– Гловер при смерти. – Зои кивнула. – Он понимает, что его время на исходе, и меньше боится быть пойманным. Пока здоровье позволяет, он будет убивать. О его сообщнике говорить пока рано. Однако он пошел на преступление, чтобы пить кровь жертвы. Скорее всего, он одержим и захочет повторить свой опыт.

– То есть ждать, пока Гловер сам помрет, не будем, да? – попыталась пошутить О’Доннелл.

Зои насупилась. Неужели детектив все пропустила мимо ушей?

– Ждать – непозволительная роскошь, – подчеркнула она.

– Я поняла... – Холли закатила глаза.

– Нужно поставить в известность Манкузо. – Зои посмотрела на Тейтума. – Мы не можем сейчас уехать.

Тот мученически вздохнул.

– Хорошо, я ей позвоню.

– Мы проверим в базе данных ФБР, совершались ли в Чикаго преступления, где у жертвы пили кровь.

– Удачи, – фыркнула О’Доннелл, вставая из-за стола. – В нашем отделе никто на эту базу давно не надеется.

– Если б вы соизволили вносить в эту базу данные по своим расследованиям, раскрывать подобные дела стало бы проще, – процедила Зои.

– Что ж, – возразила О’Доннелл, – я бы так и поступала, если б ваши ребята сделали систему проще, и мне не приходилось бы отвечать на сто дурацких вопросов каждый раз, когда я открываю программу. У меня, знаете ли, не так много времени на расследование. Не успеешь глазом моргнуть, как нужно приниматься за следующее.

Зои наблюдала за уходящей О’Доннелл, прихлебывая шоколад.

– Я ей не нравлюсь.

– Она просто очень напряжена. – Тейтум улыбнулся. – Пойдем?

– Я планирую взять еще один горячий шоколад с собой.

– Не принимай поспешные решения, о которых потом пожалеешь.

– Но он и вправду вкусный!

– Не сомневаюсь. Тогда скорее бери свой шоколад. Нам пора ловить маньяков.

Глава 13

В тот день Гарри Барри торжествовал. В одном из южных районов Чикаго обнаружили огромный склад с кокаином. Новость обсуждали все без исключения, и статья о ней выйдет на первой полосе. И кто же ее писал? Ник Джонсон, старший криминальный журналист в «Чикаго дейли»? А вот и нет! Вторая попытка. Статью писал Гарри Барри! Это у него был информатор среди полицейских, участвовавших в облаве. Это он раздобыл показания свидетелей. Это ему предстоит беседа с адвокатом подозреваемых. А пока Гарри греется в лучах славы, Ник Джонсон со своими посредственными мрачными статейками пусть постоит в сторонке.

Мама часто говорила маленькому Гарри, что злорадство и хвастовство – удел «мелочных людей». Однако он быстро смекнул, что именно мелочным людям достается все веселье. Кроме того, мама тоже не упускала возможности похвастать столовым серебром и тем, что однажды встретила Ричарда Гира. Так Гарри еще в детстве познакомился с лицемерием.

Буквально вчера Ник задирает нос, гордясь тем, что его статью о Кэтрин Лэм процитировали в онлайн-версии «Нью-Йорк пост». А сегодня убийство Кэтрин Лэм больше никому не интересно, в расследовании нет ни единой веской улики. Последний козырь Ника – интервью с отцом жертвы. И, су-

дя по слухам, ему велели сократить текст до трехсот слов. Теперь Гарри мучился дилеммой: стоит ли подойти к столу Ника и поинтересоваться, как у того дела?

Определенно, так поступил бы только мелочный человек. А кто на свете мелочнее Гарри?

Его размышления прервал телефонный звонок.

– Гарри слушает.

– Говорит детектив О’Доннелл, Центральный округ, – слышался в трубке женский голос. – Я хочу поговорить с репортером, освещающим дело Кэтрин Лэм.

– Вот как? – рассеянно пробормотал Гарри. – Вы не по адресу...

– Мы разыскиваем человека, который может быть причастен к убийству. Его зовут Род Гловер, и я рассчитываю, что...

– Вам нужен другой журналист, – перебил ее Гарри, – я переведу ваш звонок.

Он нажал на кнопку с именем Ника и положил трубку. Хорошее настроение почему-то испарилось. Этот звонок разрушил ощущение превосходства, а вместо него появилось какое-то чувство, которое Гарри никак не мог уловить. Когда он, покачав головой, уже хотел вернуться к работе, его осенило.

Род Гловер.

Как он сразу не сообразил? Совсем отупел от гордости? Род Гловер – это же серийный убийца, которого уличила Зои

Бентли! Гарри ведь знал это, он же пишет о том случае чертову книгу... И он просто взял и переадресовал звонок Нику Джонсону, как сопливый новичок-дилетант!

Какое отношение Род Гловер имеет к делу Кэтрин Лэм?

Гарри уставился на недописанную статью о кокаиновом складе. Больше она не казалась ему блестящей и новаторской. Он только что вставил в текст слова своего информатора: «Для сил правопорядка эта операция против крупного наркокартеля – очередной успешный, тщательно подготовленный успех». Очередной успешный успех. Это что, речь неандертальца? Взглянув на цитаты по-новому, Гарри понял, что большая их часть – неуклюже сформулированная чушь.

Настоящей сенсацией было убийство Кэтрин Лэм. В глубине души он знал это еще до звонка детектива. И теперь Гарри не терпелось завладеть этой сенсацией! Только вот если он просто предложит обменяться материалами, Ник тут же почует подвох.

Поэтому Гарри зашел в кабинет главного редактора, предусмотрительно закрыв за собой дверь. Дэниел Макграт сидел за столом и смотрел в монитор из-под нахмуренных бровей. Он мельком взглянул на вошедшего и вернулся к чтению.

– Что ты хотел, Гарри? Я занят.

– Я понял, что материал о наркотиках лучше готовить более опытному журналисту.

Дэниел удивился настолько, что обратил все свое внимание на Гарри.

– Что это значит? Час назад ты был готов убить за это задание.

– Я и сейчас готов, но...

– Ты же стоял прямо здесь и повторял: «Ну, и кто тут папа?»»

– Такого быть не могло.

– Ты повторил четыре раза, я считал.

– Думаю, Ник напишет статью лучше меня.

– Буквально на прошлой неделе ты назвал его стиль – я постараюсь привести точную цитату – «нудным зудением учителя истории в четвертом классе».

– Возможно, я слегка перегнул палку. На самом деле Ник хорошо пишет. Такой важный материал должен достаться ему.

– Что ты пытаешься выгадать, Гарри?

– Ничего.

– Ник работает над статьей о Кэтрин Лэм. Ты хочешь заполучить эту статью?

– Убийство Кэтрин Лэм – это вчерашний день. А вот у меня – главная новость на завтра.

– Итак, ты хочешь материал об убийстве. – Дэниел откинулся на спинку кресла.

– Я всего лишь хочу лучшего для нашей газеты. Помните рассылку нашего мудрого и щедрого начальника о важности

командной работы?

– Смутно. Не та, где он написал, чтобы мы в этом году прибавки к зарплате не ждали?

– Я – командный игрок. Я потру спинку вам, вы – мне.

– Это не про командную работу, а про обмен услугами.

Не одно и то же.

– Еще лучше! Тогда я потру спинку и вам, и себе. Мы же команда, так почему бы нам не потереть спинку ближнему? И мне, и вам, и Нику! Возьмем в руки мочалки и натрем друг друга как следует!

– Что-то мне не нравится эта метафора.

– Командная работа, да-да! Дело каждого! Можем позвать Альберта из бухгалтерии и ему тоже потереть спинку.

– О боже...

– Да что там спинку! Мы можем потереть и другие части тела, до которых трудно дотянуться. Мы можем даже...

– Хорошо! Если Ник не станет возражать, то и я не стану. Поменяйтесь материалами. Только хватит говорить о спинах и мочалках. У меня живое воображение. Теперь эти картинки будут меня преследовать.

– Спасибо, Дэниел! Век не забуду! – Гарри широко улыбнулся.

– Я теперь спокойно душ принять не смогу. Выметайся из моего кабинета!

Выйдя за дверь, Гарри глубоко вздохнул и снял с лица улыбку. Затем пошел к столу Ника Джонсона, чертыхаясь

достаточно громко, чтобы услышать могли все.

– Что не так, Гарри-Барри-Харри? – спросил Ник. Он так острил. Добавлял рифмы к имени. Причем бессмысленные рифмы. Гарри даже в детском саду дразнили изощреннее.

– Меня только что Дэниел к себе вызывал, – буркнул Гарри. – Сказал, чтобы я отдал тебе историю про облаву на наркопритон. А я допишу статью про убийство Лэм.

– Правда? – Ник повернулся к Гарри, улыбаясь во весь рот. – Он объяснил, почему?

– Думает, у тебя больше опыта. – Гарри изобразил пальцами кавычки. – Посмотрим, как он запоет завтра, когда ты опять все испортишь.

– Как же! – хмыкнул Ник. – Выкладывай, что у тебя есть. Может, хоть что-нибудь сгодится в работу...

– Угу. А что со статьей о Кэтрин Лэм?

– Я взял интервью у отца, но оно уже готово. Я сдал его Дэниелу. Детектив, которая ведет дело, только что прислала мне фотографию подозреваемого. Ты же в курсе, как пишется ориентировка: полиция разыскивает этого человека, если вы обладаете какой-либо информацией, бла-бла-бла... Я перешлю тебе шаблон. Такое задание даже тебе не запороть, Гарри-Барри-Харри.

– Еще дай мне номер следователя. Вдруг появятся вопросы.

Ник уже отвернулся, демонстративно его игнорируя. Гарри пошел к своему столу. Злорадство сменилось гораздо бо-

лее приятными чувствами.

Волнением и предвкушением.

Глава 14

Тейтум сел за стол в местном офисе ФБР, вошел в базу данных со своего ноутбука и стал просматривать дела, связанные с использованием крови жертв.

Случаев, когда злоумышленники пили кровь, нашлось немного. Сначала Грей проверил закрытые дела: изучил сведения о подозреваемых и местах преступлений. Он наводил справки о любом расследовании, которое могло иметь хотя бы отдаленную связь с нынешним делом, обзванивал следователей. Несколько преступников еще отбывали наказание в тюрьмах. Двое скончались. В итоге он получил список из четырех человек, ни один из которых не проживал в штате Иллинойс. Тейтум сделал пометку: проверить адреса этих людей. Если кто-то из них поселился в Чикаго, его можно рассматривать как подозреваемого.

Он расширил поиск, сняв несколько ограничивающих условий. В Чикаго нашлись два открытых дела, в которых убийцы писали послания кровью жертв. Случаи оказались не связаны: образцы ДНК и отпечатки пальцев указывали на двух разных мужчин.

Перебирая ногами на манер героев из «Флинстоунов», Тейтум покатился на кресле к столу Зои. Из ее наушников раздавались приглушенные ритмы поп-музыки. На какой же громкости она слушала эту какофонию?! Бабушка часто го-

ворила Тейтуму, что от громкой музыки у него лопнут барабанные перепонки, и ее красочные описания возможных последствий, надо сказать, возымели действие.

Склонившись над раскрытым блокнотом, Зои жевала ручку. Ее туфли стояли под столом; она сидела в кресле, покачивая босой ногой в такт музыке, и походила на скучающую девочку-подростка, которая размышляет над записью в дневнике. Если не обращать внимания на жуткие фотографии, разложенные вокруг. Тем не менее Тейтум невольно улыбнулся.

Видимо, почувствовав на себе его взгляд, Зои обернулась – и образ мечтательной девчонки тут же растаял.

– Что? – Она сняла наушники.

– Я поговорил с Манкузо. Она дала нам еще несколько дней, но велела отчитываться ежедневно.

– Хорошо. – Зои снова повернулась к монитору и надела наушники.

Тейтум громко кашлянул.

– Я тут нашел два нераскрытых дела... Убийцы оставляли на стенах надписи кровью жертв. Как думаешь, это может пригодиться?

– Не исключено. – Зои опять убрала наушники. – Сообщник бета пил кровь из руки жертвы. Судмедэксперт сказала, что пил он жадно, раз остались такие синяки. Вопрос в том, зачем ему это.

– Просто он неменяемый псих. – Тейтум знал, что машет

красной тряпкой перед быком. Зои терпеть не могла следователей, которые все действия убийц объясняли невменяемостью. Провокация на нее не подействовала.

– Что ж, одной из причин вполне может оказаться некое психотическое расстройство, при котором преступник временно утрачивает контроль над собой. В такие периоды он способен на что угодно, не только писать кровью на стенах. Тогда его действия продиктованы галлюцинациями или иллюзиями, и предсказать его поведение попросту невозможно.

– Но ты же заверяла, что Гловер не возьмет в напарники сумасшедшего.

– Так и есть, но возможны исключения, потому что многие люди с психотическими расстройствами способны адекватно вести себя в обществе. Такую вероятность нельзя выпускать из виду. Тогда нет смысла изучать конкретные расследования – логической цепочки может вовсе не быть. В прежних преступлениях беты может фигурировать кровь или каннибализм, а может, что-то совсем другое.

– Какие еще варианты?

– Парафилия, связанная с кровью.

Парафилия. Словечко из профессионального жаргона Зои означало, что какой-то псих возбуждается от странных фетишей. Тейтум задумался.

– Если у него парафилия, то он скорее будет извлекать кровь, чем писать ею послания.

– Я бы сказала, что это зависит от послания, – возразила Зои. – Кровавые надписи могут быть одной из ранних фантазий, которые преобразовались в желание пить кровь. Тогда я предположила бы, что надписи имели сексуальный подтекст, а на месте преступления обнаружена сперма.

– Тогда оба расследования мимо, – заключил Тейтум. – Один из убийц написал на стене «шлюха», другой – библейскую цитату. Следов спермы в обоих случаях не нашли.

– Ясно. – Зои считала возможные варианты, загибая пальцы. – Третья возможность – синдром Ренфилда.

– Ренфилд? Тот чудак из «Дракулы»?

Брови Бентли поползли вверх, и Тейтум усмехнулся.

– Что такого? Удивлена, что я тоже читаю книги?

– Да я... нет, я просто...

Она казалась такой смущенной, что Грей снова улыбнулся.

– Не бери в голову. Так что там с Ренфилдом?

– Синдром Ренфилда, или клинический вампиризм, подразумевает, что человек одержим жадной кровью самой по себе. Нет сексуального подтекста, нет галлюцинаций и иллюзий.

– То есть человеку просто хочется пить кровь. Это своеобразное кулинарное предпочтение?

– Не уверена, – призналась Зои. – Нет достоверных сведений о причинах возникновения синдрома Ренфилда. Кстати, я написала одному знакомому, который исследует это забо-

ление. Погоди, я проверю почту...

– В любом случае выходит, что эти преступления никакой связи с нашим делом не имеют. Поскольку кровь никто не пил.

– Верно. – Зои отвлеклась от монитора. – Человек, страдающий синдромом Ренфилда, не станет писать кровью на стенах. Это нелогично.

– Значит, эти дела отмечаем.

– Да, они не вписываются ни в одну схему... – Зои нахмурилась, глядя на экран компьютера. – Похоже, у меня назначена встреча с вампиром.

– Чего-чего? – Тейтум опешил.

– С клиническим вампиром. Мой знакомый ответил на письмо. Он специализируется на клиническом вампиризме, как я уже говорила. Навел справки и выяснил, что в Чикаго есть вампирское сообщество. И организовал мне встречу с одной из вампирш.

– Сегодня?

– Он пишет, что она будет ждать до шести. Осталось не так много времени.

– Одна ты не пойдешь, – заявил Тейтум.

– Она настаивала, чтобы я пришла одна. Встреча в людном месте.

– Ни за что! Я тебя одну к вампирше не пушу! Это же как в фильме ужасов. Что дальше? Предложишь разделиться и ночью обыскивать лес?

- Не драматизируй. Она ведь не настоящий вампир.
- Она пьет человеческую кровь?
- По крайней мере, тут так написано.
- Тогда ты точно не пойдешь одна.

Глава 15

– Уверена, что встреча здесь? – спросил Тейтум, понизив голос.

– Да, именно это место указано в письме. Публичная библиотека Чикаго, отделение имени Ричарда Дейли, – подтвердила Зои.

– А почему вообще в библиотеке?

– Я настаивала на встрече в людном месте. Она предложила увидеться здесь.

– Можно было выбрать любое кафе.

– Тебя, знаешь ли, тут вообще быть не должно, поэтому на жалобы ты права не имеешь. – Зои говорила громким шепотом, и один из посетителей бросил на них гневный взгляд.

– Ладно, хорошо. Как мы ее найдем?

– Людей не так много. – Бентли пожала плечами. – Думаю, она подаст нам знак.

Тейтум покачал головой.

– Я же говорил, что надо было взять осиновый кол, – прошептал он, пока они ходили между высокими полками, уставленными книгами.

По дороге Грей хохмил без остановки: то предлагал остановиться у церкви и набрать святой воды, то напоминал, что они вот-вот окажутся на интервью с вампиром – в буквальном смысле. Зои не обращала на его шутки внимания.

Тейтум глубоко вдохнул, наслаждаясь ароматом. Библиотечный запах ни с чем не перепутать. Неужели это просто запахи старой бумаги, пыли, клея и чернил? Или так пахнут сами истории, заключенные под обложками? А если на бумагу вылить книжный клей и чернила, запах будет такой же? Тейтум был уверен, что нет. Он повернулся, чтобы спросить мнение Зои, но она отошла к другому ряду полок.

Грей уже дошел до конца читального зала, когда заметил женщину. Она стояла, листая огромный фолиант, перед стеллажом, заполненным особенно старыми и увесистыми томами. Худая, на мертвенно-белом лице ярко выделяются лишь губы, алые, словно... ну, кровь. Пряди длинных, черных как смоль волос странно поблескивают под тусклыми лампами. Тейтум застыл в нерешительности. Библиотека, конечно, публичное место, но тут тихо, как в могиле, и хотя он явно сильнее этой женщины и к тому же вооружен, от нее веет чем-то потусторонним...

Агент ФБР медленно приблизился. Она коротко взглянула на него и вернулась к своей книге.

– Извините, – произнес он.

Женщина подняла на него глаза, но ничего не сказала.

– Вы Кармела фон Хаген?

– Нет. – Она нахмурилась.

– А, точно. – Зои ведь сообщила ему, что у вампирши странное прозвище. Как же оно? – Гм... Ночная Искусительница?

Глаза женщины налились яростью. Оттолкнув Тейтума, она выбежала из читального зала. Он слышал ее бормотание: «И шагу нельзя ступить, чтобы не пристал какой-нибудь извращенец!» Грей хотел броситься за ней, но тут его окликнула Зои.

Она стояла у стола библиотекаря и махала ему рукой. Тейтум подошел к ней.

– Кажется, я ее спугнул, – признался он.

– Вот она. – Зои указала на библиотекаря.

Тейтум насупился, оглядывая женщину. Невысокая, с вьющимися каштановыми волосами и очками в прямоугольной оправе. На ней было желтое платье с цветочным рисунком. Вампирша поджала губы и посмотрела на Тейтума с явным неодобрением.

– Вы Кармела фон Хаген?

– Да, – ответила та высоким звенящим голоском.

– Ночная Искусительница?

– Это мой никнейм в Сети. В реальной жизни меня так никто не зовет. – Она презрительно фыркнула и перевела взгляд на Зои. – Ты должна была прийти одна.

– Он увязался следом, – оправдывалась Бентли, – волновался за меня...

– Вы что подумали? – пронзительно воскликнула библиотекарь. – Что я обернусь летучей мышью и вцеплюсь в горло вашей подруге?

– Я бы так не сказал, – вяло возразил Тейтум.

– И правильно. – Кармела снова повернулась к Зои. – Глупые выдумки. Ну так что, мы договорились?

– Договорились о чем? – встревожился Тейтум.

– Ваша девушка согласилась стать моим донором, – сказала Кармела.

– Я не его девушка, – поспешно поправила ее Зои.

– Ладно, неважно. Подпишите здесь. – Библиотекарша протянула бланк. – Это согласие на добровольное донорство.

– погоди, что вообще происходит? – Тейтум в недоумении разглядывал бланк. – Ты разрешила этой женщине пить твою кровь?

– Иначе я не согласилась бы на встречу, – ответила за нее Кармела. – Вы думаете, я кому попало душу изливаю?

– Вы ведь это не всерьез? – не поверил Грей.

Зои прочитала бланк, сосредоточенно наморщив лоб, будто собиралась подписать почтовое уведомление.

– Ничего страшного тут нет, Тейтум. Не волнуйся. Я хочу посмотреть, как это делается.

– Еще чего!

– Твой парень – одна головная боль, – заметила Кармела.

– Я ей не парень, а она тебе не еда! – отрезал Тейтум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.